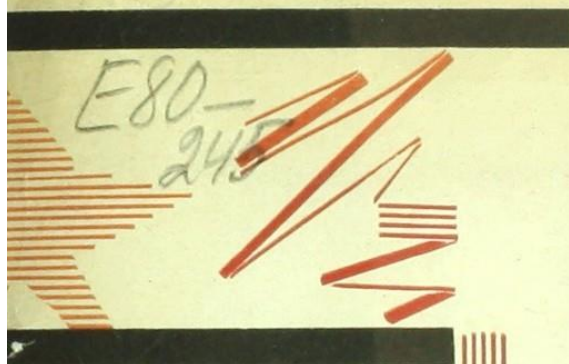

УБИЙЦА

ТОВАРИЩА

ВОЙКОВА

П Е Р Е Д

ПОЛЬСКИМ

С У Д О М

Николай Седельников

E80-245

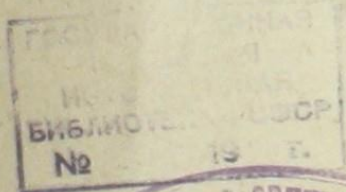
**УБИЙЦА тов. ВОЙКОВА
* ПЕРЕД ПОЛЬСКИМ СУДОМ**

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО
ПО СТЕНОГРАФИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ
СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1927 — ЛЕНИНГРАД

ОТ ПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ Гиза.
Москва. Пятницкая, 71.
Главл. 99772. Гиз 23451;
Зак. 4579. Тираж 4.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«В Варшаве убит т. Войков, полпред СССР в Польской республике. Этот неслыханный акт, нашедший отклик во всем мире, в настоящей тревожной международной обстановке еще более подчеркивает преступность политики реакционных сил, активно старающихся сорвать дело мира. Убийство т. Войкова является одним из звеньев в целой цепи событий, в сумме своей означающих все большую и большую угрозу миру».

Такими словами возвестило правительство СССР всему миру о злодеянии, которое свершилось в столице Польши. Выстрел белогвардейца Бориса Коверды раздался в тот момент, когда ярко зарисовалась провокационная работа английского империализма по окружению Союза советских республик. Международная обстановка, складывавшаяся под угрозой непосредственного нападения на СССР, расшевелила все темные силы реакции во всем мире. Выстрел на варшавском вокзале должен был, по замыслу Чемберленов и Болдуинов, сыграть роль Сараевского убийства в 1914 г. — должен был вовлечь СССР в военную авантюру и тем самым облегчить польской буржуазии мобилизацию рабочих и крестьян Польши для войны за интересы английского капитала. Русская эмиграция, живущая только надеждой на интервенцию капиталистических держав в СССР, — учла сразу все выгоды момента. Уже с начала 1927 г. в кругах белогвардейской эмиграции стало заметно небывалое оживление. «Сам» генерал Врангель приехал «ин-

когнито» в Венгрию, для того чтобы отсюда удобнее руководить военными действиями против СССР. Центры активной белогвардейской работы приблизились к нашей западной границе... Почуввав, что в воздухе «пахнет жареным», зашевелилась белогвардейская эмиграция в Польше. Со времени польско-советской войны 1919—1920 годов в Польше образовалось прочное гнездо золотопогонного сброда. До сегодняшнего дня города и местечки восточных окраин Польши кишат остатками балаховских, савинковских, петлюровских, перемыкинских, яковлевских и прочих контрреволюционных банд. Весь этот сброд, среди которого значительный процент составляют уголовные элементы, чувствует себя «как дома» в «свободной» Польской республике. Выходящие в Польшу на казенные субсидии белоэмигрантские газеты, вроде варшавской «За свободу» или виленской «Новой России» — поддерживают эту массу в постоянном напряжении, в состоянии ожидания того момента, когда им представится возможность «погулять» на территории СССР. Время, предшествовавшее убийству т. Войкова, было как раз периодом, в течение которого имели место случаи подчеркнутой «смычки» белогвардейской эмиграции с правящими кругами Польши. Так, 25 мая в Варшаве, в помещении офицерского собрания, состоялось траурное заседание, посвященное годовщине смерти Петлюры. На этом заседании присутствовал ряд представителей польских властей и армии. Несколько дней спустя состоялось торжественное заседание, посвященное десятилетию возникновения петлюровской армии; на этом заседании опять присутствовали и выступали с речами видные государственные чиновники. 29 мая в большом зале Варшавского муниципалитета состоялось торжественное собрание, посвященное годовщине объявления «независимости» Грузии. Опять присутствовали государственные деятели Польши, опять ими произносились речи, которые были

ничем не прикрытой пропагандой идеи отрыва от СССР его составных частей.

Нечего и говорить, что при такой «моральной» и всякой прочей поддержке со стороны польских властей — белогвардейская эмиграция в Польше не могла не проникнуться сознанием, что на ее улице «наступает праздник».

Одно из наиболее крупных белогвардейских гнезд в Польше — находится в Вильне. Здесь помещается штаб-квартира известного бандита Булак-Балаховича, здесь орудует не менее известный польский охранник Павлюкевич, пытающийся создать среди белоруссов движение в пользу панской Польши, здесь раскинул свои шатры «чудо-богатырь» есаул Яковлев, командир белогвардейской русской дивизии и агент Николая Николаевича. Вся эта шайка пользуется здесь непосредственной поддержкой со стороны польских виленских монархистов, князей Сапег и Радзивиллов, являющихся столпами нынешнего режима в Польше и не могущих забыть своих белорусских и украинских поместий, отнятых Октябрьской революцией. И не случайно поэтому убийца т. Войкова — Борис Коверда — пришел из Вильны.

В течение времени, предшествовавшего убийству товарища Войкова — советское посольство в Варшаве жило в атмосфере дикой травли, которая велась буржуазной прессой всех оттенков. Обнаглевшие писаки, отражая по видимому то, что было на уме у кое-кого из «власть имущих», призывали польское правительство к расправе с советским посольством по методу Чжан Цзо-лина. Выстрел, поразивший на главном варшавском вокзале т. Войкова, был вспышкой молнии, осветившей провокационную работу британского империализма по вовлечению Польши в военную авантюру против СССР.

Когда телеграф разнес по всему миру сообщение о варшавском убийстве, польская пресса откликнулась на него, обрушившись вначале с нападками на русскую эмиграцию в Польше.

Даже «Роботник» — орган ППС — от 9 июня вынужден был писать:

«Русский монархизм представляет опасность для всего мира. Польша не может терпеть в своих пределах ни пропаганды, ни организации монархических элементов. Довольно! Пусть ищут счастья в Венгрии или под крылом Муссолини. Достаточно примера, к чему ведет гостеприимство по отношению к старым жандармам, царским чиновникам и офицерам».

«Дзень Польски» от 9 июня заявлял, что «в Польше живут десятки тысяч русских, которые видят в убийстве средство политической борьбы».

Бульварная, но хорошо осведомленная варшавская газета «А. Б. Ц.» (от 9/VI) сообщила, что «Коверда — русский патриот и, якобы за последнее время принадлежал к тайной организации «братьев русской правды», создававшей партизанские отряды на советской Белоруссии».

«Курьер Виленски» от 10/VI подтвердил, что «убийца советского посла Войкова — Борис Коверда имел связь с выдающимися здешними монархистами, в том числе с есаулом Яковлевым».

Ряд других газет, особенно газеты б. немецкой Польши (Познань, Верхняя Силезия), подчеркивал наличие связи между Ковердой и русскими монархистами в Польше.

И как бы в подтверждение этого появилось в виленском органе польских монархистов «Слово» (от 11/VI) весьма характерное интервью с есаулом Яковлевым; Яковлев заявил следующее:

«Коверда приходил ко мне неоднократно, зная, что я имею много рус-

ских книг и журналов, издаваемых за границей, которых он не мог бы найти в Вильне в другом месте. Видывал я его только в типографии, где одновременно печатались «Новая Россия» и «Белорусское слово»... «Несомненно, война какого-нибудь государства, а в первую очередь Польши с советской Россией, значительно помогла бы нам... Мы, русские эмигранты, не можем отрицать того, что мы боремся и будем бороться с большевиками на жизнь и смерть всеми доступными нам средствами: террором, насилием, огнем и мечом».

Одновременно с этим заявлением Яковлева появились в варшавских газетах «Курьер Поранны» и «Наш Пржеглонд» сообщения о том, что обыски, произведенные в Вильне у русских монархистов, дали в руки следственных властей обильные материалы о деятельности белогвардейских террористов в Польше...

И вдруг, примерно с 10—11 июня тон польской прессы резко изменился, словно по мановению какой-то таинственной дирижерской палочки. Газеты забили отбой и обрушились на СССР с неслыханными чудовищными нападками вплоть до обвинения нас самих в убийстве Войкова. Появились сообщения о том, что следствие не установило абсолютно никакой связи Коверды с русскими монархистами в Польше. Арестованные 8/VI белоэмигранты были выпущены на свободу, «ввиду отсутствия улик»... Ответная нота польского правительства на нашу ноту от 7/VI показала, что польское правительство отнюдь не заинтересовано в раскрытии всех нитей варшавского преступления, пытается отделаться ссылкой на «непольскую национальность» убийцы. Естественно, что в таких условиях предание Коверды чрезвычайному суду с его упрощенной процедурой было весьма удобным способом спрятать концы в воду, замести те следы, которые вели от квартиры торговли

Феникштейн, приютившей Коверду, к апартаментам господина Макс-Миллера, посла его величества короля Великобритании в Польше, и к русским белогвардейским берлогам...

15 июня Борис Коверда предстал перед чрезвычайным судом Польской республики. Два дня продолжалось это дело... Что можно сказать о суде над Ковердой? Это была такая же гнусная комедия, как та, которая развернулась в 1923 г. в Швейцарии, когда судили Конради — убийцу т. Воровского. Перед судом прошел ряд специально подобранных свидетелей, которые всеми способами обеляли Коверду, изображая его невинным отроком с кристальной душой и голубиным сердцем. Обычно с понятием суда связано представление о защите и обвинении. Суд над Ковердой в сущности не имел обвинения. Прокурор и защита разделили между собой труд, целью которого было представить Коверду в виде «национального героя». Государственный обвинитель, изложив в начале своей речи формальное содержание соответствующих статей кодекса, в дальнейшем фактически защищал Коверду. Прокурор, призванный защищать оскорбленный убийством посла престиж польского государства, — констатировал сразу, что варшавское преступление это всего-навсего «столкновение двух атомов в безбрежном пространстве»... А затем все прокурорское красноречие ушло на то, чтобы доказать «что Коверда — русский», что он «любит свою родину» и действовал по патристическим соображениям. Прокурор «упустил из виду» ряд установленных опросом свидетелей «мелочей»: связь Коверды с охранником Павлюкевичем; то, что товарищи Коверды пробирались нелегально в СССР для контрреволюционной работы; нахождение у Коверды расписки Комитета Николая Николаевича в получении взноса; прокурор не заинтересовался тем, кто содержал «бедного» убийцу в течение двух недель его пребывания в Варшаве.

Прокурор сознательно обошел провокаторскую роль Коверды на процессе обвиняемых в коммунизме учеников Виленской Белорусской гимназии. Прокурор нашел не заслуживающим внимания то обстоятельство, что Коверда занимался удалением с организованного Павлюкевичем съезда «западной Белоруссии» лиц, заподозренных в коммунизме. Прокурор «забыл», что Коверда — польский подданный, что отец его — активный белогвардеец, что Коверда рассказывал товарищам своим о «экзамене», который ему предстоит выдержать... Прокурор сразу же категорически заявил, что у Коверды не было сообщников. Сравнив убийцу с Иваном Сусаниным, прокурор закончил свою обвинительную речь призывом к милосердию. Так защищал Коверду прокурор Польской республики... Стоит ли после этого говорить о защите?.. Фактически после речи прокурора защите осталось лишь дополнить и уточнить выдвинутые им положения. Весьма характерен состав защиты: монархист Недзельский и пилсудчик Пасхальский, специалист по бракоразводным делам Эттингер и темный виленский проходимец Андреев, — вся эта компания изошрялась в течение нескольких часов в плюгавых нападках на СССР при «благожелательном нейтралитете» со стороны председателя суда, которому не пришло в голову приостановить красноречие адвокатов, направленное по адресу страны, с которой Польша находится в нормальных отношениях. В других условиях можно было бы лишь посмеяться над речами этих адвокатов, над этим винегретом из обычных белогвардейских рассказов «об ужасах Совдепии», одобренных соусом семинарской риторики и ханжеского пафоса. В одну неблаговонную кучу свалены здесь и собственного изобретения «цитаты вождей революции», «ужасы Чека», гимназическая фуражка Коверды, мифический «батюшка», убиенный большевиками, прилизанная головка дитяти Бориса и запах ладана православных церквей. Чего стоит хотя бы такая

«философия истории» адвоката Недзельского, возвещающего, что «XX век приблизил триумф христианской любви к ближнему, и что только людоеды на далеких островах не понимают этой идеи»...

Какая бездна морального упадка в речи пилсудчика Пасхальского, сравнившего монархического ублюдка Коверду с польским патриотом Березовским, стрелявшим в царя Александра II и с теми, кто сражался с царизмом за независимость Польши. Мицкевич, великий писатель Польши, перевернулся наверно в гробу от сравнения его «Книг Пилигримства» с произведениями оголтелого черносотенца и валютного спекулянта Арцыбашева. Защита Коверды призвала на помощь и самого господ бога, «бросая крест на чашу весов правосудия» — получилось трогательное сочетание «креста с маузером Бориса Коверды». И «чаша милосердия» перевесила... Суд, который приговорил к смертной казни комсомольцев Энгеля и Ботвина, суд, который послал на смерть Хибнера, Кневского и Рутковского — этот суд не решился поднять руку на белогвардейского террориста. Классовый суд польской буржуазии выполнил возложенную на него задачу... Буржуазная польская пресса всех оттенков приветствовала приговор варшавского суда «как величайший акт справедливости», свидетельствующий о «независимости» польского суда... Жалкие паяцы!.. Они «упустили» из виду то, что за несколько дней до процесса Коверды — орган английских твердолобых «Дэйли Телеграф» сообщал, «что в хорошо осведомленных лондонских кругах высказывали уверенность в том, что Коверда не будет расстрелян». «Дэйли Телеграф» «угадал»... Коверда после суда превратился в героя: со всех сторон посыпались на его имя приветствия; газеты сообщали все подробности его пребывания в тюрьме Мамаша. Коверды благодарил всех на страницах лейб-органа пилсудчиков, «Глос Правды», за то сочувствие

которое было проявлено по отношению к ее «бедному мальчику». Словом, стал создаваться «культ» Коверды... И как бы в виде комментария к приговору варшавского суда состоялся в Кракове 18 июня съезд петлюровской эмиграции, при участии представителей польских властей; на съезде были приняты резолюции, призывающие к активной борьбе с советским строем...

Трудящиеся СССР встретили приговор варшавского суда с возмущением. Второй раз на территории Польши совершается убийство советских представителей. В 1918 г. была зверски замучена советская делегация Красного креста во главе с т. Брониславом Весоловским. И если в то время польские власти оправдывались мексиканскими нравами разнузданного офицерства и тем, что делегация не была официальной, то убийство официального посла, аккредитованного при правительстве Польской республики, было покушением на срыв наших мирных взаимоотношений с другими странами. Трудящиеся СССР оценивают неприкосновенность своих дипломатических представителей как возможность вести работу по укреплению мирных отношений со всеми своими соседями. Приговор варшавского суда, реабилитировавший убийцу посла, — был воспринят всем многомиллионным Советским союзом как тяжелейшее оскорбление, нанесенное нашей стране, как удар по делу мира.

Убийство т. Войкова и возмутительная комедия варшавского суда — окончательно распоясали эмигрантов.

Не далее как 17 июля виленская монархическая газетка «Новая Россия» — орган покровителя Коверды — есаула Яковлева праздновала пятилетие своего существования. В «прочувствованной» речи Яковлев благодарил президента Польской республики за то гостеприимство, которым пользуются в Польше русские белые эмигранты;

другие ораторы призывали Яковлева «призвать их скорее под национальные штандарты»... ¹⁾.

Конфликт с Советским союзом неожиданно ударил по самой Польше. Атмосфера напряженных отношений с СССР была одним из факторов, вызвавшим «отсрочку» польского займа в Америке. Варшавская биржа реагировала на создавшееся положение катастрофическим упадком акций Польского банка. Польский министр иностранных дел и польские посланники в странах Западной Европы поспешили заверить публику в своих многочисленных интервью, что «фактически в польско-советских отношениях ничего не изменилось, что дружественные отношения с СССР, наоборот, даже укрепляются...» и т.п. Одновременно в польской прессе стали появляться отдельные статьи, в виде попыток отмежеваться от русской монархической белогвардейской эмиграции, совершенно забывающие, «что кроме русской монархической эмиграции в Польше имеется петлюровская и грузинская эмиграции, которые пользуются особым покровительством влиятельных польских кругов. Вполне понятны в таких условиях те соображения, которые руководили президентом Польской республики, когда он, после месячной оттяжки, отклонил ходатайство суда в помиловании Коверды и утвердил пожизненное заключение для убийцы посла СССР. Этим своим постановлением президент Польской республики фактически дезавуировал суд и прокурора...

Старая польская поговорка «поляк становится умнее лишь после того, как над ним стрясется беда» оправдалась

¹⁾ После того как были написаны эти строки, пришло сообщение, что польское правительство само было вынуждено принять меры против наиболее зарвавшейся части эмиграции. Оно выслало 6 человек и издало сообщение, в котором угрожает высылкой всем тем эмигрантам, которые будут нарушать право убежища.

в этом случае... Так закончился первый этап дела об убийстве полпреда СССР в Польше.

Союз советских республик глубоко запомнил поведение варшавского суда. С гордостью и отрадой вспоминаем мы зато те десятки тысяч славных варшавских рабочих, которые пришли к советскому посольству отдать последний долг погибшему на революционном посту послу первой в мире страны трудящихся. В этом проявлении международной пролетарской солидарности — залог того, что настанет день, когда судьями в Польше будут рабочие и крестьяне Польши.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ПРЕДАНИИ БОРИСА КОВЕРДЫ, ДЕВЯТНАДЦАТИ ЛЕТ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ СУДУ ПО ОБВИНЕНИЮ ЕГО ПО СТ. 453¹⁾ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА.

Седьмого июня тысяча девятьсот двадцать седьмого года в девять часов утра, посланник СССР Петр Войков в сопровождении сотрудника Представительства Георгия Григоровича, приехал на главный вокзал с целью встретить Аркадия Розенгольца, полномочного представителя СССР в Лондоне. Встретившись с Розенгольцем, посланник Войков сначала пошел с ним выпить кофе в станционный буфет, а после этого они вышли на перрон к скорому поезду, отходящему из Варшавы в девять часов пятьдесят пять минут, с которым Розенголец должен был выехать в Москву. В момент, когда посланник Войков с Розенгольцем находились около спального вагона этого поезда, раздался револьверный выстрел, направленный в посланника Войкова. Стрелял неизвестный мужчина. Сначала Войков отступил и начал убегать. Нападающий стрелял следом, в ответ на что Войков выхватил из кармана револьвер и сделал несколько выстрелов в нападающего, потом зашатался и упал на руки подбежавшего старшего полицейского государственной полиции Ясинского. Нападающий, по приказанию подошедших полицейских властей, поднял руки вверх, бросил револьвер на землю и добровольно сдался полиции, заявивши, что он является Борисом Ковердой, и что он стрелял, желая убить Войкова, как представителя СССР, чтобы отомстить за Россию, за миллионы людей. Посол Войков, после оказания ему первой врачебной

помощи на вокзале, был отвезен в больницу «Младенца Иисуса», где он и скончался в десять часов сорок минут утра того же дня.

Произведенное в этот же день профессором варшавского университета Гживо-Домбровским вскрытие тела показало, что Войков получил две огнестрельные раны: одну в области грудной клетки с левой стороны, другую в области мягких тканей правого плеча. Эксперт профессор Гживо-Домбровский нашел, что рана грудной клетки была связана с поражением обеих оболочек левого легкого, и что это повреждение является безусловно смертельным, так как вследствие его произошло кровоизлияние в легочную полость в количестве трех тысяч шестисот кубических сантиметров.

Стрелявшим в посланника Войкова оказался Борис Коверда, девятнадцати лет, ученик гимназии Русского общества в Вильно, который, опрошенный в качестве обвиняемого, признал себя виновным в умышленном убийстве посланника Войкова и заявил, что он, будучи противником настоящего политического и общественного строя в России и имея намерение поехать в Россию, чтобы там принять активное участие в борьбе с этим строем, приехал в Варшаву с целью получить разрешение Представительства СССР на бесплатный проезд в Россию. А когда ему в этом было отказано, он решил убить посланника Войкова, как представителя власти СССР, причем добавил, что с посланником Войковым никогда не разговаривал, к нему претензий не имел, ни к какой политической организации не принадлежал, и что акт убийства он совершил сам, без чьего-либо внушения или соучастия.

На основании вышеизложенного житель города Вильно, Борис Коверда, обвиняется в том, что:

седьмого июня тысяча девятьсот двадцать седьмого года, в Варшаве, на Главном вокзале стрелял в посла СССР Войкова, с целью лишить его жизни. Стрелял из револь-

вера шесть раз, причинив ему огнестрельную рану в области грудной клетки с левой стороны, что вызвало кровоизлияние в левую легочную полость и смерть Войкова. При этом этот акт он совершил в связи с исполнением Петром Войковым общественных функций, как полномочного представителя СССР, аккредитированного при президенте Польской республики.

Это преступление предусмотрено в ст. 453 Уголовного кодекса и на основании ст. 208 ²⁾ Процессуального кодекса по ст. 1, 4, 10 и 12 закона о чрезвычайных судах от 30 июня 1919 г. ³⁾ с изменением от 25 февраля 1921 г., а также пар. 1 Постановления Совета министров от 28 декабря 1926 г. ⁴⁾, подлежит преданию чрезвычайному суду в Варшаве.

Варшава 11 июня 1927 г.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СУД.

Прокурор: *Свентковский.*

Протокол от 15 июня 1927 г. чрезвычайного суда в Варшаве в следующем составе: председательствующий И. Гуминский, судьи: И. Козаковский, А. Скавинский, секретарь М. Маевская, в присутствии прокурора Апелляционного суда К. Рудницкого разбирал дело Коверды Бориса, обвиняемого по ст. 453 Уголовного кодекса. Заседание было открыто в 10 часов 45 минут. Председательствующий приказал судебному приставу ввести обвиняемого. Обвиняемый занял место на скамье подсудимых. В качестве защитников обвиняемого явились: по выбору на основании, письменных полномочий, адвокаты: Павел Андреев и Мариан Недзельский, и по устному поручению адвокаты: Франциск Пасхальский и Мечислав Эттингер.

Обвиняемый Коверда заявил, что уполномачивает адвокатов Пасхальского и Эттингера в качестве своих защитников.

Председательствующий задал обвиняемому вопросы, согласно ст. 638 Процессуального кодекса.

Обвиняемый заявил: «Зовут меня Борис Коверда, сын Софрония и Анны, родился 21 августа 1907 г. в Виленском уезде. Постоянное место жительства Вильно. По национальности русский. Гражданство неопределенное. Отец мой, кажется, является польским подданным.

Вероисповедания православного. Окончил я семь классов гимназии Русского общества в Вильно. Холост. Являюсь учеником гимназии и сотрудником редакции еженедельника «Белорусское слово». Под судом не был. Копию заключения прокурора о предании меня Чрезвычайному суду получил».

Председательствующий прочитал список лиц, вызванных на заседание.

Судебный пристав доложил, что все свидетели явились, за исключением Аркадия Розенгольца, и находятся в комнате для свидетелей. Эксперт Гживо-Домбровский присутствует в зале.

Председательствующий сообщил, что в Чрезвычайный суд сегодня поступила нота Восточного отдела политико-экономического департамента Министерства иностранных дел, после чего прочел текст ноты.

Прокурор предлагает принять к сведению ноту Министерства иностранных дел и вести заседание, предполагая, что свидетель Розенголец явится в суд сегодня или завтра утром, и прибавляет, что если бы дело дошло до окончания судебного следствия, и свидетель Розенголец не прибыл бы перед закрытием судебного следствия, следует признать его отсутствие уважительным и прочесть его показания, данные на предварительном следствии.

Защита присоединяется к предложению прокурора.

Чрезвычайный суд постановляет: неявку свидетеля Розенгольца согласно ст. 642 Процессуального кодекса признать уважительной; в случае неявки его лично до закрытия следствия прочесть его показания, данные на предварительном следствии.

Затем председательствующий прочел заключение прокурора о предании Бориса Коверды чрезвычайному суду

после чего спросил подсудимого, признает ли он себя виновным.

Подсудимый заявил: «Признаю себя убийцей посланника Войкова, но не признаю себя виновным. После 9 часов утра я вышел на перрон и гулял больше 10 минут, я дошел до середины поезда и увидел Войкова, идущего по перрону с другим лицом, мне неизвестным. Я шел по направлению к вокзалу, а Войков со своим спутником от вокзала. Я выстрелил в Войкова несколько раз. Войков обернулся и начал убегать в сторону вокзала, однако, сделавши несколько шагов, задержался и выстрелил в меня несколько раз. Войков стрелял уже тогда, когда я расстрелял все мои патроны и перестал стрелять. Когда у меня вышли все патроны, я отбежал от Войкова несколько шагов и с поднятыми руками направился к идущему ко мне полицейскому, по предложению которого я бросил револьвер на землю, и был им арестован. Я убил Войкова за все то, что большевики сделали с Россией. Войкова я не знал».

Затем были введены свидетели, к которым председательствующий обратился с вопросом согласно ст. 702 5) Процессуального кодекса, причем оказалось, что свидетель Георгий Григорович является атеистом, Марпан Ясинский, Константин Домбровский, Альфонс Новаковский, Феликс Абрамович и Ипполит Юдицкий — являются католиками. Сура Феникштейн — является еврейкой. Клементий Агафонов — старообрядцем. Остальные же свидетели: Анна, Софроний Коверда, Семеон Захоронек, Леопольд Белевский, Бронислав Друцко-Подберезский, Арсений Павлюкевич, Петр Майдачевский, Дмитрий Герасимов, Василий Юженко, Иосиф Дичковский и Лидия Светезова являются православными. Анна Коверда является матерью подсудимого, Софроний Коверда — его отцом, Ирина — сестра подсудимого. Все трое, уведомленные председательствующим

щим о привилегиях для них, вытекающих из ст. 705⁶⁾ Процессуального кодекса, заявили, что желают давать показания. Все остальные свидетели как с подсудимым, так и с убитым Войковым в родстве не состоят, никаких дел с подсудимым не имели и под судом не были; свидетель Дичковский является православным священником. Эксперт Гживо-Домбровский является католиком и с подсудимым и убитым Войковым в родстве не состоит.

Председательствующий спрашивает стороны, не требуют ли они отвода кого-либо от присяги.

Прокурор предлагает допросить Анну, Софрония и Ирину Коверду согласно ст. 705 Процессуального кодекса, эксперта Гживо-Домбровского согласно ст. 713 Процессуального кодекса, священника Дичковского согласно ст. 712 Процессуального кодекса; остальных же свидетелей, за исключением Георгия Григоровича, под присягой. Что же касается последнего свидетеля, то он предлагает принять от него торжественное обещание.

От имени защиты адвокат Эттингер заявляет, что он присоединяется к предложению прокурора.

Свидетель Агафонов заявляет, что он согласен дать присягу вместе с православными.

Чрезвычайный суд постановляет свидетелей Анну, Софрония и Ирину Коверду допросить согласно ст. 705 Процессуального кодекса без присяги. Эксперта профессора Гживо-Домбровского согласно ст. 713 Процессуального кодекса от присяги освободить, священника Дичковского на основании статьи 712⁷⁾ Процессуального кодекса допросить без присяги. Свидетеля Георгия Григоровича, согласно пункта 2 ст. 712⁷⁾ Процессуального кодекса в связи со ст. III Конституции, допросить без присяги, взяв с него обязательство, а остальных привести к присяге.

После принятия присяги от свидетелей католиков католическим ксендзом, от свидетелей православных и старообрядца православным священником и от Суры Феникштейн раввином, согласно статьям 716 и 717⁸⁾ Процессуального кодекса, свидетели, кроме Григоровича, были удалены; эксперт Гживо-Домбровский остался в зале.

1. Свидетель Григорович заявил, что дает обещание говорить безусловную правду, после чего дал показания по-русски: «О самом факте убийства посла Войкова я ничего не знаю, так как я не присутствовал при этом. Я сопровождал посланника на главный вокзал. Посланник Войков должен был встречать приезжающего из Парижа Розенгольца. Поезд из Парижа прибыл в 9 часов с минутами на 4-й перрон. Когда господин Розенгольд вышел из спального вагона, мы его увидели, и посланник Войков подошел к Розенгольцу. Я был от них на таком расстоянии, как отсюда до господина прокурора. Немедленно после этого я покинул вокзал.

Согласно ст. 701 Процессуального кодекса председательствующий постановил изменить порядок допроса и приступить к заслушанию эксперта.

От имени защиты адвокат Эттингер просит допросить эксперта только после допроса свидетелей, в особенности после допроса тех свидетелей, которые знают жизнь обвиняемого.

Председательствующий соглашается с предложением защиты, и суд приступает к допросу свидетелей. Свидетели, вызываемые по одному и допрашиваемые согласно ст. 718 — 724 Процессуального кодекса, показали нижеследующее.

2. Свидетель Марпан Ясинский, старший полицейский государственной полиции: «В этот день я был на посту на перроне 10—11. Ушел скорый поезд

в Люблин. Вдруг я услышал несколько выстрелов один за другим на одном из соседних перронов. Когда я бежал через линию, я заметил, что публика убегает с перрона 8—9, и на этом перроне я увидел двух людей, стреляющих друг в друга из револьверов. Один из них убегал в сторону вокзала, другой за ним гнался. Тот, который убегал, дал два выстрела в направлении своего преследователя. Я побежал к первому и схватил его за руку. В тот момент задержанный зашатался и упал. Оказалось, что это был посланник Войков. К другому, который поднял револьвер вверх, побежал полицейский, а ко мне подошел один господин, который заявил, что он является послом в Лондоне, Розентгольцем, раненый же является посланником Войковым. Прежде чем ко мне подошел Розентголец, я спросил раненого, кто он такой, но он ответил какое-то непонятное слово, и сейчас же его губы посинели, и весь он позеленел. Господин Розентголец на вопрос, знает ли он убийцу, отвечал: «Мерзавец, прохвост, сукин сын». При мне Войков дал два выстрела. В общей сложности с обеих сторон было дано около десяти выстрелов. Я видел Коверду как он шел с поднятым вверх револьвером на расстоянии приблизительно 20 шагов от Войкова. Я занялся раненым и перенес его в помещение дежурного старшего полицейского. Будучи в дежурной, в которую был введен Коверда, я слышал только, как он сказал: «за Россию». Войков не был в беспамятстве, когда я обращался к нему с вопросами.

Свидетель Григорович на вопрос прокурора дополнительно показал: «С посланником Войковым я был тогда на вокзале случайно, постоянно я его не сопровождал и не ездил с ним. О выездах Войкова полиции не сообщалось. Посланник Войков сам ходил по городу, мне известно о том, что он сам ездил на автомобиле, которым правил, он ездил также по Висле на моторной лодке».

3. Свидетель Константин Домбровский, полицейский государственной полиции, показал: «Я был на службе при дежурном старшем полицейском на главном вокзале. Я услышал выстрелы, выбежал из дежурки на перрон и увидел, что стрелял какой-то человек, обращенный в сторону вокзала. Этот человек сейчас же упал на перрон, тут же перед самым поездом. Публика из окон вагонов кричала, что на перроне есть другой человек, который стрелял. Я пробежал несколько шагов и увидел человека, который шел по перрону с револьвером в руках. Я и полицейский Ясинский побежали за этим человеком, который находился между вагонами двух поездов на линии 8—9. Этот человек задержался, обернулся к нам лицом и остановился. В руке у него был револьвер. По нашему приказанию он положил револьвер на землю. Я произвел на месте личный обыск и нашел в кармане брюк четыре патрона от револьвера. В револьвере же не было ни одного патрона. На вопрос, почему он стрелял — этот человек ответил: «Я отомстил за Россию, за миллионы людей». Револьвер был семизарядный. С раненым посланником Войковым я не разговаривал. Им занялись старший полицейский Ясинский и полицейский Шиманский. В момент ареста Коверда был совершенно спокоен».

Суд постановил открыть вещественные доказательства для предъявления свидетелю. После раскрытия свертка оказалось, что внутри его находится: 1) револьвер системы «Маузер» без номера, с пустой обоймой; 2) револьвер системы «Браунинг» № 80481 с двумя патронами; 3) четыре патрона к «Маузеру».

[После предъявления свидетелю Домбровскому вышеупомянутых предметов, свидетель Домбровский заявил: «В кармане у Коверды я нашел четыре патрона, а револьвер был у него системы «Маузер». При перенесении посланника

Войкова в карету я не присутствовал, так как охранял Коверду. Никакого разговора с ним не имел».

4. Свидетельница Сура Феникштейн показала: «Подсудимый жил у меня несколько дней. Он приходил вечером и уходил рано утром. Обвиняемый въехал ко мне во вторник вечером. В первый день Троицы, в 11 часов вечера, т. е. в понедельник, меня отправили в больницу. Несколько дней спустя пришли ко мне дети в больницу и сказали, что меня ищут и чтобы я выписывалась из больницы. Дети были в среду, и я была в больнице два дня. Я просила Коверду, чтобы он дал документы для прописки, но он документов не дал, объясняя, что документы в школе, где он должен держать экзамены. Коверда должен был жить две недели. До двух недель нехватало одного дня или ночи. Обвиняемый говорил, что он уезжает».

На вопрос председательствующего, после предупреждения, что на вопрос он может не отвечать, Борис Коверда заявил: «Я приехал в Варшаву за две недели до убийства, кажется в понедельник. Первый день я жил в гостинице «Астория». Во вторник я переехал к Феникштейн и жил у нее две недели».

Свидетельница Феникштейн на вопрос прокурора заявила: «Я приняла обвиняемого Коверду в качестве жильца, потому что как раз уехала одна жилища».

5. Свидетельница Анна Коверда показала: «Об убийстве я узнала из газет. Это меня ошеломило. Борис был очень впечатлительным, скромным и тихим. Содержал семью, потому что я болела и была без работы: он работал на всю семью. Борис был мой опекун и защитник и опекун своих сестер. Борис, как очень хороший сын, хотел не знаю что сделать, чтобы мать не страдала, заботился о том, чтобы меня никто не обижал и думал о том, как бы мне помочь. По происхождению я отсюда —

из Польши. Мы жители Вильно, жили здесь до войны. В 1915 г. всех нас эвакуировали из Вильно в Тамбов, потом мы переехали в Самару. Борис родился под Вильно. Мы были в России до 1920 г. В Польшу я вернулась с детьми, муж должен был остаться в России. Мы вернулись в Польшу легально. Приехать нас заставило то, что я здесь родилась и жила. Мой муж — народный учитель Бельского уезда. Я последнее время имела работу и зарабатывала. До этого я была без работы, и тогда меня и дочерей содержал сын. Мои дочери не зарабатывают. Муж иногда посылал деньги, но главным образом нас содержал Борис. Он работал в редакции газеты «Белорусское слово»; был экспедитором, а последнее время и корректором. Он зарабатывал 150 злотых ежемесячно и прирабатывал еще несколько злотых, может быть, каких-нибудь 20 злотых ежемесячно. Прошлым летом он зарабатывал меньше. Нам жилось очень плохо, мы голодали. Борис болел скарлатиной и дифтеритом, был в больнице 6 недель. Сейчас же после болезни он стал на работу. Я имею работу полгода, кажется, с января. Зарабатывала по 150 злотых, потом и по 200 злотых ежемесячно. Борис отдавал весь свой заработок мне. «Белорусское слово» выходило на белорусском языке, Борис читал все. Он имел демократические убеждения, симпатии к большевикам не питал. То, что он видел в Самаре, не могло вызвать симпатии к большевикам. Когда мы жили в поселке Зубчановичи, Самарской губернии, Борис имел много неприятностей; его преследовали, называли буржуйским сыном, уничтожили его школу, в которую он ходил, и церковь. Раз при нем был разговор, что приехал священник и что его большевики заперли в хлев и надругались над ним. Это произвело на Бориса большое впечатление. Борис был религиозен до последнего времени, он был в этом году на исповеди и причащался — что для меня было неожиданностью, так как он был очень занят. Разговоры о поступках

большевиков у нас дома велись. Борис был очень нервным и впечатлительным; он был так занят, что я не имела времени с ним разговаривать. Сын моей сестры погиб благодаря большевикам. Борис часто разговаривал с моей сестрой и видел сцены в ЧК, был свидетелем слез моей сестры с которой он был в очень близких отношениях, так как она была его крестной матерью. Когда Борис был еще маленьким мальчиком, лет 6—7, я читала ему историю России. Я тогда была учительницей, а Борис был в школе. Дома мы говорили исключительно по-русски, мы люди русской культуры. Белоруссов я не считаю русскими. Борис видел в России как на льду расстреливали Лебедева. Рассказывали Кабанцеве и о том, что большевики с ним сделали, нельзя было даже найти его труп. Борис, будучи маленьким мальчиком, видел отчаяние его жены и часто говорил об этом слезах. С Кабанцевым мы были близко знакомы. Борис помнил, как преследовали его учительницу, которую он очень любил. В Самаре еврейчик был назначен руководителем четырех школ. Он давал неприятные распоряжения и вел с детьми разговоры о Христе, говорил о нем, что это талантливый сектант. Я думаю, что это произвело на Бориса сильное впечатление. Когда Борис после болезни начал поправляться, первой просьбой его было купить ему Евангелие. Я была руководительницей школы и приюта. Когда Борис был в третьем классе, он принужден был уже работать на себя и работал как экспедитор в редакции. Тогда сын получал разные газеты, названий их не помню, и приносил их к нам домой из редакции. Были газеты: «Виленское утро», «За свободу» и другие, были также польские газеты и какие-то русские заграничные газеты. В 1922/23 сын работал в «Нашей думке». Эта газета была направлена не совсем коммунистического, но близкого к коммунизму. В редакции «Белорусского слова», когда там работал Борис, не было коммунистических газет. Сы

имел разные газеты, но я не видела, чтобы он делал из них вырезки».

6. Свидетель Софроний Коверда: «Последний раз я виделся с сыном на Рождество, мы тогда вместе проводили праздники. С тех пор я не видал сына. Я жил отдельно из-за тяжелых материальных условий. Я являюсь учителем народной школы. Во время праздничных каникул в разговорах с сыном я политических вопросов не затрагивал. У меня было впечатление, что он работает только для заработка, так как он был вынужден зарабатывать на содержание семьи. С детских лет он был очень впечатлителен, и теперь я понимаю трагизм его души. Борис был очень способным ребенком и понимал, что свои способности он может развернуть, может выбиться. Но это могло произойти только в России, где он имел бы соответствующие материальные условия, но препятствовал этому коммунизм. Борису докучала нужда, тяжелые материальные условия чувствительно отзывались на его душе. Юношеская душа не могла примириться — вспыхнул протест, и этим протестом был выстрел. Борис, будучи еще ребенком, когда был в первых классах, был свидетелем большевистских зверств, и они оставили свой след навсегда. Я из Бельско-Подляского уезда, из крестьян; являюсь польским гражданином и, как рожденный в Бельском уезде и на основании книги народонаселения, получил паспорт. В начале войны я служил в Крестьянском банке в Вильно. Я выехал в 1914 г. в армию, как доброволец. Меня забраковали, ибо у меня плохой слух. Но я, видя, как простой народ идет на войну, подал заявление, что здоров, и просил принять меня. Был тяжело ранен между Кревом и Сморгонью и лечился в Москве четыре месяца. Как раз в это время наступил большевистский переворот. В Вильно еще в царское время я принадлежал к партии социалистов-революционеров и принимал участие в нелегальной работе. Я был убежден,

что царизм угнетает крестьян и как крестьянин стремился к тому, чтобы крестьяне могли занять свое надлежащее место. Когда наступил переворот, я принимал участие в уличных боях против большевиков. Однако после переворота большевики мобилизовали меня и назначили комедантом этапа, потом меня забрали в армию. Я не мог примириться с таким положением вещей и в 1921 г. нелегально бежал из России, перейдя границу под Несвижем. Семья моя была тогда уже в Польше. Я перешел польскую границу как офицер Красной армии. Свою семью я нашел в нужде. В 1922 г. я начал издавать газету «Крестьянская Россия» в Варшаве. Это была газета Савинковской организации, демократического направления. Издавал эту газету пока имел деньги. Я — белорусс, жена моя также. Дома мы говорим по-белорусски, по-русски и по-польски, над нами даже смеются, что мы говорим так разное. Я боролся с большевиками при Керенском в июле 1917 г. и говорил об этом с Борисом. Борис правдив и религиозен. В прошлом году он тяжело болел и был близок к смерти. После болезни впечатлительность сына увеличилась. Мне писали жена и дочери, что он впечатлителен и что у нас очень тяжелые условия жизни. Я не имел возможности узнать, какая судьба постигла тех моих товарищей, которые сражались вместе со мной, когда я был в Самаре. Я вообще слышал о расстрелах; говорили что такой-то и такой-то расстреляны. Я был очень мало связан с эмиграцией. В 1920 г. я был в Советской армии, семья же моя была в Лучинце, который заняли поляки. В 1920 г. я оставил семью, которая вернулась на родину, а сам оставался под контролем комиссара еще два месяца. Когда Борис был в третьем классе, мы жили вместе, он работал в редакции белорусской националистической газеты как экспедитор. Потом националистическая газета приняла коммунистическое направление. Часто ли конфисковывались газеты, в кото-

рых работал Борис, я не знаю. Работал Борис в редакции «Белорусская криница» и «Белорусская вольность». Потом он перестал в них работать и начал работать в еженедельнике «Громадский голос». Он посещал белорусскую гимназию, а после окончания шестого класса перешел в гимназию Русского общества в Вильно. Не знаю, вызывали ли его в дефензиву по делу Соллогуба; я слышал что-то, но ничего не помню. Знаю, что был какой-то процесс в белорусской гимназии, и знаю, что это вызвало уход Бориса из этой гимназии. Он мне не говорил последнее время, что считает себя русским. О револьвере мне ничего неизвестно. Читал ли Борис книгу Краснова «От двуглавого орла до красного знамени» я не знаю».

7. Свидетель Семен Захаренок показал: «Об убийстве Войкова я узнал из газет. Обвиняемого Коверду я знал с 1921 г. и поддерживал с ним приятельские отношения, считал его человеком честным, искренним. Я познакомился с ним в гимназии и встречался в редакции. 21 или 22 мая этого года я с Ковердой был в редакции: я сказал, что уже поздно и что опасно ходить так поздно. Коверда отвечал, что он не боится, так как у него есть револьвер и показал мне дуло револьвера, который был у него в кармане. Когда в прошлом году был первый так называемый съезд Западной Белоруссии в Вильно, обвиняемый Коверда из помещения съезда удалил учеников белорусской гимназии, Саковича и еще одного, фамилию которого не помню, так как считал их сторонниками коммунизма. Этот съезд был созван доктором Павлюкевичем. Обвиняемый Коверда говорил по-русски, считал ли он себя русским — этого я не знаю. Я встречался с Ковердой очень редко. Коверда говорил мне, что револьвер он получил для охраны доктора Павлюкевича, так как коммунисты хотят на него напасть. Я не знаю, имели ли газеты, издаваемые доктором Павлюкевичем, полонофильское направление. Я не зани-

маюсь политикой и на съезд доктора Павлюкевича попал случайно. В редакцию «Белорусского слова» приходил как гость. Я очень редко разговаривал с Ковердой, а о политике и о газете «Белорусская воля» совсем не разговаривал. Я считал Коверду противником коммунизма, он всегда осуждал коммунизм; доказательством этого является то, что на первом съезде Западной Белоруссии, он удалил двух своих коллег, которых считал коммунистами. Коверда описывал подробности жизни в Советской России, обращал внимание на то, что там делается, говорил, что это — кошмар. Наказания и приговоры в России его волновали. Его поступок является выражением его переживаний. Я в России не был и тамошних отношений не знаю; я здесь родился и эвакуирован не был».

8. Свидетель Леонид Белевский: «О покушении на посланника Войкова я ничего не знаю. Обвиняемого Коверду знал как ученика гимназии Русского общества. Я являюсь директором этой гимназии. В прошлом учебном году, т. е. осенью 1925 г., Коверда поступил к нам в гимназию в седьмой класс. Тогда я еще не был директором, а только учителем. В классе, который посещал Коверда, я не преподавал. Коверда перешел к нам из белорусской гимназии. Я знал, что Коверда находится в очень тяжелых материальных условиях, что он вынужден работать, чтобы содержать себя и семью, поэтому мирился с его довольно частыми непосещениями уроков; и он был, хотя с трудом, переведен в восьмой класс. Коверда работал в редакции «Белорусское слово». В начале этого года еженедельник, в котором работал Коверда, не издавался, тогда Коверда, который был способным учеником, начал делать успехи и регулярно посещал гимназию. Потом опять начал работать в редакции и опять начал пропускать уроки, говорил, что должен работать. В разговоре со мной Коверда жаловался на тяжелые материальные условия. Все учителя

хорошо относились к Коверде и смотрели сквозь пальцы на его нерегулярное посещение уроков. Несмотря на это, когда кончились занятия в седьмом классе, встал вопрос, что делать с Ковердой. 21 мая этого года на заседании педагогического совета было принято решение об исключении Бориса Коверды из списка учеников. Коверда был тихим, спокойным, послушным мальчиком; характера сосредоточенного и замкнутого. Никогда не имел столкновений ни с учителями, ни с товарищами; подчинялся дисциплине, производил впечатление человека спокойного. Однако в некоторых его движениях, особенно в быстрой походке, сказывалась его экзальтированность. Помню такой случай, характеризующий обвиняемого Коверду: это было в январе, шел мокрый снег; вечером после уроков (у нас уроки после полудня) я встретил Коверду на лестнице в легком пиджаке. Я сказал Коверде, что в такой легкой одежде он рискует простудиться. Он с улыбкой ответил, что он к этому привык, так как не имеет пальто. Как директор гимназии я могу сказать, что Коверда оставил после себя самое приятное воспоминание. Однако исключение Коверды из списка учеников на основании постановления педагогического совета было для меня вопросом необходимости. Я считал, что обвиняемый сам отказался от посещения гимназии, ибо знал, что его товарищи приступают к экзаменам, а Коверда уже после Рождества посещал уроки очень редко, а с поста и совсем не посещал. Наша гимназия является частной, эмигрантского общества, без прав. Уроки происходят после полудня, ибо, будучи в тяжелых финансовых условиях, мы должны сдавать помещение, чтобы, таким образом, увеличить наш бюджет. Гимназия наша не многочисленна: у нас 101 ученик, из них 99 русских и 2 еврея. Это преимущественно дети русской интеллигенции, занимающейся физическим трудом, за отсутствием другой работы. Белорусская гимназия более многочисленна, там больше 200 уче-

ников — детей белорусских семей. Мы национального вопроса не исследуем; если кто является к нам или желает поступить и считает, что принадлежит к русской культуре, мы стараемся его принять. Мы приняли несколько учеников из начальной русской школы. Поляки к нам не являются, был только один случай в этом году: явился в нашу гимназию поляк с маленьким сыном, который приехал из России и хотел мальчика отдать к нам, но не отдал. О том, что Коверда замкнут в себе, говорю на основании собственных впечатлений. Я не делал Коверде упреков по поводу непосещения им занятий. Я разговаривал с ним о плате за правоучение. Это был для меня очень неприятный вопрос: наша гимназия находилась в очень тяжелых материальных условиях. Я должен был исследовать материальное положение наших учеников. Так было и с Ковердой; у него были слезы на глазах, когда он говорил, что хочет кончить гимназию, но не имеет возможности платить. На этой неделе я говорил с товарищами Коверды. Они рассказывали, что встретили Коверду и говорили ему об экзаменах. Коверда говорил с ними очень загадочно. Товарищи полагают, что под экзаменом Коверда подразумевал поступок, который он готовился совершить. Все отзывались о Коверде, как о человеке безусловно идейном, не бросающемся словами, сосредоточенном и впечатлительном. Трудно было поверить, что Коверда совершит такой поступок. Для всех было очевидно, что Коверда переживал что-то большое, имел что-то ценное, в сердце носил какую-то тайну. Это было общее мнение товарищей по гимназии. Коверда был безусловно мальчиком правдивым, я не заметил у него никакой фальши, ничего, что бы могло его охарактеризовать с отрицательной стороны. Восемнадцатилетний юноша работал так, как взрослый человек не может работать, вследствие чего мы его терпели в гимназии. Я уже говорил, что у нас в гимназии большинство учеников — это дети поль-

ских граждан. Вначале было много детей эмигрантов, когда еще не был выяснен вопрос о гражданстве. В школьных списках Коверда значится как русский. Я считаю Коверду русским. Я спрашивал учителей из белорусской гимназии, отчего Коверда покинул эту гимназию, и мне сказали, что там часть учеников принадлежала к коммунистической партии, и что Коверда выступал против товарищей, и на этой почве ушел. Однако поведение Коверды в этой гимназии было безупречно, никаких политических трений не было. Я старался гимназию изолировать от политики. Настроение молодежи не имеет идейных основ, — у нее не большой интерес к политике. Старшее поколение живо интересуется политическими вопросами русской общественности, обсуждает, удачи и неудачи и сожалеет о положении России, лишенной возможности проявления общественной жизни. В прессе говорится о положении эмиграции. Газета «За свободу», издаваемая в Варшаве, является весьма распространенной, равно как и газеты, издаваемые в Париже. Я видел распространяемые в обществе крайне-монархические воззвания.

В нашей гимназии мы имели небольшую библиотеку, содержащую книги, собранные путем пожертвований. Коверда, кажется, не пользовался этой школьной библиотекой, так как она была создана только в этом году. Коверда работал в редакции «Белорусское слово», которое издавал доктор Павлюкевич. О политических вопросах я с Ковердой не разговаривал. Его мировоззрение мне неизвестно.

9. Свидетель Бронислав Друцко-Подберезский показал: «Я являюсь сотрудником еженедельника «Белорусское слово» и знаю Бориса Коверду с апреля 1925 г., как работающего человека, интеллигентного, нервного, с болезненным самолюбием. С самого начала моего сотрудничества с Ковердой я считал его решительным противником большевистского строя. Коверда обра-

тился ко мне с просьбой выхлопотать при посредстве депутата Тарашкевича визу на проезд в Чехию или Россию. Я обратился к Тарашкевичу, но тот мне отказал, говоря, что ничего не может сделать, ибо чешское правительство прекратило выдавать в Праге субсидии; визу же в Россию он достать не может, ибо у него не такие большие связи. Это было в прошлом году, скорее в 1926 г., чем в 1925. Я до сего времени работаю в редакции «Белорусское слово». Мы получаем время от времени русские зарубежные эмигрантские газеты, получаем «Руль» и кое-какие другие газеты, равным образом мы получаем время от времени газеты из Советской России. Сотрудники редакции могли пользоваться этими газетами в редакции. Обвиняемый Коверда имел доступ к этим газетам, он был корректором и администратором, а последнее время делал выдержки из иностранных газет и переводил их на белорусский язык. Основной заработок Коверды достигал 150 злотых ежемесячно. Не получивши визы, Коверда сожалел об этом. Он говорил раза два о том, что не может найти выхода из трудного материального положения. В условиях, в которых он находился, он не мог учиться. У меня не было близких отношений с Ковердой. Я наблюдал его время от времени и говорил с ним о тяжелых материальных условиях.

Чрезмерная впечатлительность Коверды проявлялась не только в вопросах, касающихся его лично, но и в вопросах политическо-общественной жизни. Он был ревнив к своим убеждениям, самоуверен в своих мнениях. Его впечатлительность увеличилась с 1925 г. Она давала себя чувствовать в связи со всякими мелочами. Коверда вел себя нетактично и хотел уйти из редакции. Политические убеждения Коверды имели антибольшевистский оттенок. В газете «Белорусское слово» была рубрика, посвященная России, там отмечались с известной тенденцией акты террора, давалась яркая картина того, что де-

лается в России. Вопросы тяжелой судьбы русской эмиграции не затрагивались. В последнее время Коверда делал выдержки из русской заграничной прессы. Они касались актов террора в России. Он делал эти выдержки больше полугода. Мы осуждали в статьях большевистский режим. В последнее время Коверда часто проявлял свои убеждения.

Прокурор: «Не говорил ли свидетель с Ковердой относительно перехода его из белорусской гимназии в русскую и о том, что он не окончил гимназии?»

Свидетель: «Мы говорили об этом мимоходом. Разговора относительно поездки Коверды в Варшаву я не помню. Коверда говорил, что здесь нет возможности учиться, что он хочет ехать в Россию, так как там легче получить аттестат зрелости. Я являюсь белорусским деятелем. Коверда делал выдержки из газет: «Сегодня», «Руль», «Новое время».

10. Свидетель Клементий Агафонов показал: «Коверда был антибольшевиком. В Вильно выступал против деятельности советов. Он всегда отличался спокойным характером. Борис Коверда мой школьный товарищ. Политических разговоров он со мной не вел. Мы читали русские газеты. Я был с Ковердой в 7 классе гимназии Виленского русского общества. Почему Коверда перешел из белорусской гимназии — я не знаю. Коверда перестал посещать гимназию потому, что занялся работой в редакции. Вне школы я встречался с Ковердой раза два на улице. Когда показывали в Вильно фильму под названием «Бурлак с Волги», Коверда в моем присутствии сказал, что нельзя демонстрировать такие большевистские фильмы и следовало бы, как в Риге, сорвать эту картину. В отношениях с товарищами Коверда не был разговорчив, скорее замкнут. Раз Коверда дал мне газету «Борьба за Россию», издаваемую в Париже. Я не помню каких-либо

особенных случаев нервности Коверды или возбужденных выходов».

11. Свидетель Георгий Белевский показал: «По делу об убийстве посланника Войкова я ничего не знаю. Что касается лично Коверды, то он является моим близким и хорошим приятелем. Мы встретились в 7 классе русской гимназии в Вильно в 1925 г. Борис Коверда был набожным, тихим, симпатичным юношей. Мы любили его и уважали, потому что он приходил в гимназию измученный работой. На его плечах лежало содержание всей семьи. Мы перешли с Борисом вместе в седьмой класс русской гимназии, но перешли из разных школ. Были мы вместе два года, но я довольно редко его видел, так как он был очень занят работой и пропускал уроки. Борис говорил, что он работает целые дни в редакции, где он был экспедитором, регистратором, корректором и переводчиком на белорусский язык. Мне рассказывал Борис, что когда он поступил в редакцию, там не было сотрудника, пишущего по-белорусски, и он работал, как переводчик. Я раз встретил Коверду на улице, он был очень печален и сказал, что ему предложено или бросить работу в редакции совсем, или работать бесплатно. Это было в прошлом году. Больше месяца Коверда работал почти бесплатно. Я считаю себя русским, Коверду тоже. Коверда мне говорил, что он любит родину, говорил, что родина находится в тяжелом положении. Я наблюдал Коверду в течение двух лет, в 1925 и 1926 гг. Коверда отличался всегда спокойствием, в последнее время я не замечал, чтобы он нервничал, перемен в его настроении не было».

12. Свидетель Арсений Павлюкевич показал: «Коверду я знаю три года. Он работал в редакции «Белорусское слово», которое я издаю. Коверда работал как экспедитор и корректор. Он был работник первый. Нервное состояние я заметил у Коверды после перенесен-

ной им тяжелой болезни — скарлатины. Коверда был очень самолюбив и из-за этого у него бывали часто столкновения с сотрудниками редакции. Борис Коверда работал в «Белорусском слове» с самого основания этой газеты. Он перешел ко мне в составе редакции. Получал он 150 злотых ежемесячно. Мы переживали очень тяжелый финансовый момент. Коверда зарабатывал 50—70 злотых еженедельно, ему было очень тяжело в материальном отношении, потому что он содержал всю семью. Положение затем улучшилось, и за последние три месяца Коверда получал до ста злотых дополнительно, он зарабатывал 150—250 злотых ежемесячно. Коверда литературным трудом не занимался, он был слишком молод. Он часто переводил, был корректором, интересовался отделом религии, переписывался с методистами, любил ходить в церковь. Он выступал против методистов во имя православной религии. Соблюдение им религиозных обрядов выражалось в его хождении в церковь на богослужения. Свой переход из белорусской гимназии в русскую Борис объяснял соображениями материального характера: там нужно было платить, а здесь он не платил, кроме того, там были другие взгляды. Эти две причины приводил Коверда. Мы обращались с ним, как с юношей, взгляды его не были установившимися. К кому собственно следует причислять Коверду в смысле национальности, к белоруссам или к русским, я не знаю. Мы называли его белоруссом, а о национальности не спрашивали. У него были известные колебания, а в последний год наступил перелом. Борис говорил, что не верит в успех Белоруссии и склонялся скорее к нашему направлению. Я не могу сказать, за кого он считал себя, за русского или за белоруса. С одной стороны, влияние отца — русского, с другой стороны — матери и окружающих. Национальное сознание у Коверды еще не оформилось. У Коверды были споры с сотрудниками редакции, о чем

я уже говорил во время допроса у судебного следователя. Может быть, это был результат перенесенной недавно болезни, может быть, в этом отразились тяжелые условия в школе. На Пасху я выехал в пограничную область, все было готово к корректуре, номер должен был выйти без меня. Коверда собирался куда-то на праздники. У нас тогда была задержка с деньгами, и сотрудники не получили жалования. Коверда получил аванс, но не мог поехать туда, куда хотел и поэтому не поехал совсем. Сотрудники надеялись получить награды на праздники. Борис Коверда получил меньше, чем он ожидал, очень возмутился и хотел бросить газету. Он написал мне резкое письмо. Товарищи его, однако, уговорили, и он работы не бросил. Когда я вернулся, Борис обратился ко мне с просьбой простить его, на что я тогда ответил, что мы поговорим об этом потом. Коверда явился ко мне сам и вторично просил прощения, на мой упрек, что он не должен был так поступать из-за наших отношений, Борис так расплакался, что я сам начал извиняться перед ним. Борис остался в редакции и работал дальше хорошо. До болезни он не был таким нервным. После перенесенной болезни он стал до того нервным, что это переходило у него в ненормальное состояние, особенно в последние месяцы. Может быть, это резкое изменение произошло в связи с его занятиями. В прошлом году Коверда хотел уехать в Россию, однако он это скрывал от меня, а спрошенный о будущем, сказал, что хочет окончить высшее образование в России, что он надеется на падение большевизма, и тогда он сможет быть полезен там. За последний год нервность Бориса Коверды начала усиливаться. Параллельно с его умственным развитием усиливалась его антибольшевистское настроение. Борис Коверда мог высказывать в нашей редакции свои взгляды, и это не привлекало бы внимания. Поступок Коверды, однако, нас ошеломил, так как я не заметил, что Ко-

верда вступает на такой опасный путь. Поступок Коверды вытекает из его антибольшевистского настроения. Предыдущий образ жизни Коверды способствовал этому поступку. Коверда был всегда далек от окружающих. На все явления он реагировал искренно. Последнее время Коверда делал выдержки из русских газет. Мы имели отдел «СССР», и в этом отделе мы описывали бьющие в глаза моменты из большевистской жизни. Коверда этого отдела не вел, а вел его Друцко-Подберезский и отчасти я. Коверда делал выдержки из русских эмигрантских газет: «За свободу», «Сегодня». О предыдущей работе Коверды в 1922 г. я ничего не знаю. Случая пожертвования Ковердой одного доллара не припоминаю, хотя знаю что-то такое было».

13. Свидетель Альфонс Новаковский показал: «В связи с убийством Борисом Ковердой посланника Войкова я произвел обыск в квартире Бориса Коверды в Вильно. Обыск не дал никаких результатов. С политической точки зрения Борис Коверда пользовался хорошей репутацией, ни к какой политической организации не принадлежал. Обыск был произведен для того, чтобы установить, принадлежит ли Коверда к монархической организации. Коверда никакой связи с местными политическими деятелями не имел, ни к какой организации не принадлежал. Русская колония в Вильно небольшая, монархистов насчитывается около ста. В квартире Коверды в Вильно мы нашли квитанцию комитета великого князя Николая Николаевича в получении одного доллара».

14. Свидетель Ипполит Юдицкий показал: «По делу убийства посланника Войкова я ничего не знаю. Бориса Коверду я знаю по типографии, в которой я работал и куда приходил Коверда как корректор газеты «Белорусское слово». Близко Коверды я не знал. Револьвера ему не продавал».

Прокурор вносит предложение спросить обвиняемого Коверду, приобрел ли он у свидетеля Юдицкого револьвер и когда.

Председательствующий предупреждает обвиняемого, что он имеет право не отвечать на заданный вопрос, и его молчание не будет считаться за доказательство виновности.

Обвиняемый Борис Коверда заявил, что револьвер он купил у свидетеля Юдицкого полтора года тому назад.

Свидетель Юдицкий на вопрос председательствующего заявил, что он служил в Союзе защиты родины. В армии он не служил.

15. Свидетель Феликс Абрамович показал: «По приказанию комиссара Новаковского я разыскивал Юдицкого, который скрывался. Об убийстве посланника Войкова и об обвиняемом Коверде я ничего не знаю».

16. Свидетельница Ирина Коверда показала: «Я работала в экспедиции редакции по просьбе брата Бориса и получала за это деньги из редакции. О большевиках с братом не разговаривала. У нас дома был такой период, когда все продавали, потому что не было на что жить. Было время, когда нас содержал только брат Борис».

Затем был вызван эксперт.

Профессор Виктор Гживо-Домбровский дал следующее заключение: «Посланник Войков умер вследствие огнестрельной раны левого легкого. Обе оболочки левого легкого были прострелены, и наступило кровоизлияние в левую легочную полость в количестве 3600 кубических сантиметров. Выстрел был сделан из ручного огнестрельного оружия среднего калибра. «Маузер», находящийся среди вещественных доказательств, мог нанести такое ранение. Кроме этого ранения Войков получил еще другое в правый бок спереди. Это ранение не выз-

вало сильного повреждения и не задело сосудов, и его можно отнести к числу легких. Первое ранение было безусловно смертельным. Выстрел был направлен сзади, немного снизу вверх. Очередность выстрелов нельзя установить, они наступили один за другим в самый короткий промежуток времени. Расстояния, на котором были произведены выстрелы, установить невозможно. Момент смерти наступил не сразу. Направление смертельного выстрела показывает, что или раненый был выше стреляющего, или раненый после первого не смертельного выстрела наклонился, обернувшись, и получил другой смертельный выстрел сзади. Защита, борьба не исключается. Признаков стрельбы в упор не обнаружено. «Маузер» имеет заряд из бездымного пороха и на расстоянии двадцати сантиметров не оставляет следов ожога. Так как в этом случае выстрелы пробили одежду, то даже если бы они были даны в упор, следы пороха были бы на одежде, а не на теле. Что касается обвиняемого, то болезни, которые он недавно перенес, т. е. скарлатина и дифтерия, могли вместе с материальными условиями повлиять на способность владеть собою».

17. Свидетель Петр Мойдачевский показал: «Бориса Коверду я знаю с начала текущего года. Мы говорили о жизни в России, о его переживаниях, и Коверда говорил, что они так повлияли на его нервы, что он не может всего этого пережить. Коверда говорил, что большевики угнетают его народ, и что они погубили Россию».

18. Свидетель Дмитрий Герасимов показал: «С Борисом Ковердой я познакомился на Новый год. Его отношение к большевикам было отрицательное. Его возмущало отношение большевиков к России».

19. Свидетель Василий Юженко показал: «С Борисом Ковердой я познакомился в июле прошлого года. Я работал в редакции «Белорусского слова» заве-

дующим конторой. Частных разговоров я с ним не вел. Коверда производил впечатление противника большевиков. Он выражал возмущение террором большевиков, это на него сильно действовало».

20. Свидетель священник Иосиф Дичковский показал: «Я знаю Коверду. Это мой ученик по русской гимназии. Я знаю его как хорошего ученика и хорошего христианина. Борис Коверда был не только по имени христианином, он относился к закону божиему с особенным вниманием. Он посещал церковь, и я видел, что он дома получил религиозное воспитание. Этим он выделялся среди моих учеников. Он ходил к исповеди и причащался. Последний раз он исповедывался в прошлом году. Это я хорошо помню. В этом школьном году я преподавал закон божий только до ноября. Мне говорили его товарищи, что на Пасху в этом году Коверда причащался и исповедывался».

21. Свидетельница Лидия Светезева показала: «Я живу в одном доме с Ковердой и знаю очень хорошо всю семью Коверды. Борис был исключительно хорошим учеником и сыном. Когда семья очутилась в тяжелом материальном положении, он сам работал и зарабатывал на содержание семьи. У Бориса был хороший характер, он был немного нервным и очень старательным юношей. Я знаю его только с самой лучшей стороны. Он был в белорусской русской гимназии. Дома разговаривали всегда по-русски. Отношение Коверды к большевикам было всегда отрицательное. Борис Коверда, — весьма примерный сын. О политических его убеждениях я ничего не знаю. Семья Коверды жила в Белорусском общежитии».

После допроса свидетельницы Светезевой адвокат Эттингер заявляет, что обвиняемый желает дать показания, однако, перед этим просит устроить перерыв.

Председательствующий объявляет перерыв до шести часов вечера.

В шесть часов двадцать пять минут вечера возобновляется заседание суда. Суд приступает к заслушанию показаний обвиняемого.

Обвиняемый Борис Коверда показал: «Я хочу объяснить, каким образом я дошел до того, что неделю назад убил посланника Войкова. Большевистский переворот застал меня учеником второго класса в Самаре. Однажды после уроков директор нам сказал, чтобы мы шли домой теми улицами, которые он нам укажет, так как на нас, учеников, могут напасть и побить. А когда мы спросили, за что нас могут побить, директор ответил, что за наши фуражки реалистов. Я жил не в Самаре, а в поселке в 17 километрах от Самары. Я должен был каждый день ездить в школу, и я видел поезда, наполненные деморализованными солдатами. Я был свидетелем того, как на одной станции разъяренная толпа избила начальника станции, а машиниста, якобы, бросила в печь, за то, что он не хотел везти их домой. Вскоре я должен был перестать учиться, наша школа закрылась и там устроили большевистское учреждение. Я ходил в школу в поселке. Я был свидетелем террора. Вблизи была деревня Мышлаево, туда приходили красногвардейцы за священником, над ним зверски издевались, а что с ним случилось, я не знаю. Началась гражданская война, затем город заняли чехи, после них пришли красные и расстреляли ряд лиц, и между ними моих знакомых, грабили дома, расхищали имущество богатых людей. Орудовали банды злодеев, арестовывали людей и над ними издевались. Потом, может быть, год спустя после установления большевистской власти, я вместе с семьей выехал оттуда в Вильно и Гродно. В дороге я был несколько раз свидетелем большевистских зверств, несколько раз красные меня выбрасывали из поезда. Неоднократно я

должен был ехать на паровозе. Я отступлю немного назад: когда красногвардейцы заняли первый раз город, у меня было с ними столкновение из-за фуражки реалиста, на меня кричали: «Буржуйчик, нам нужны лошади», я отвечал, что не знаю, где лошади, а большевики на это: «Если мы найдем, то мы тебе покажем». В дороге я был свидетелем грабежей и зверств. Я слышал о ЧК. В России установился хаос. Хотя я был маленьким, но я помню, что в России раньше был какой-то порядок, так что, когда я успел вырваться из этого «рая», то хотя я был молод, но вздохнул с облегчением. Быть может, когда-нибудь я забуду то, что я пережил. В Вильно я был экспедитором белорусской газеты коммунистического направления. Что-то мне говорило, что это работа на червонцы, полученные от продажи церковной утвари. В белорусской школе, в которую я ходил, я чувствовал себя плохо, так как мои соученики были коммунистами и, когда во время процесса моих соучеников я дал неблагоприятные для них показания, меня начали травить. Я перешел в редакцию еженедельника «Громадский голос». Борьба с большевизмом меня не интересовала. Когда «Громадский голос» был переименован в «Белорусское слово» под редакцией доктора Павлюкевича того же направления, что и я, я начал читать статьи и газеты, и прочел книгу Краснова «От двуглавого орла до красного знамени», Ардыбашева «Записки писателя» и польски «Спасите». В этой последней книге автор описывает, кто виноват в том, что едят людей. Я чувствовал, что нужно бороться, что здесь никто ничего не делает, а там, в России, разгулялась банда кровавых злодеев. В прошлом году у меня возникло намерение борьбы с ними, и с этой целью я хотел выехать в Россию для борьбы с большевизмом, но мне это не удалось, хотя моим товарищам удалось пробраться в Россию нелегально. Тяжелые материальные условия мне не дали ничего сделать, я дол-

жен был работать на содержание семьи. Когда поправились мои материальные условия, я начал думать, чем бы послужить моей родине. Так как мне не удалось уехать нелегально, я хотел это сделать легально. Таким образом, я собрал немного денег и начал хлопотать в Советском консульстве о выдаче мне паспорта. Мне было отказано. Я не говорил никому, зачем я хочу ехать в Россию. Я решил убить Войкова, как представителя банды злодеев, как большевистского комиссара. Мне очень неприятно, что это я сделал на польской земле, которую я считаю своей второй родиной. Большевики не только в России, но и в Польше. Я читал шесть месяцев тому назад о терроре, применяемом в отношении людей, выступающих против Белорусской громады. Убивая Войкова, я хотел отомстить за миллионы людей, хотел послужить родине. Часть прессы считает меня монархистом, но я не монархист. Я читал манифест великого князя Николая Николаевича и пожертвовал один доллар. Я демократ и хотел, чтобы в России было какое-нибудь правительство, но только не большевики, не коммунисты, только не банда злодеев, которая уничтожила массу людей.

Председательствующий спрашивает стороны, чем они хотят дополнить следствие.

Прокурор вносит предложение задать обвиняемому вопросы: 1) Откуда он знал посланника Войкова и почему он был уверен, что стреляет именно в него, и 2) откуда он знал, что Войков будет на вокзале.

На вышеизложенные вопросы обвиняемый, предупрежденный председательствующим, что может на них не отвечать, и молчание не будет считаться доказательством виновности, заявил: «Я знал Войкова по фотографиям, помещенным в иллюстрированных журналах. Кроме того, я видел его в консульстве. То, что Войков должен был быть на вокзале, я узнал из газет. Из газет же я узнал, что Войков уезжает в Москву. Я знал, что только один скорый

поезд уходит в девять часов пятьдесят пять минут в Советскую Россию и знал, на какой линии он стоит. Я хочу еще добавить, что я убил Войкова не как посланника, а как члена Коминтерна».

Адвокат Недзельский просит спросить обвиняемого, не помнит ли он последнее прочитанное им произведение, которое оказало решающее влияние на его намерение.

На вышеизложенный вопрос, заданный через председательствующего после предупреждения о его праве не отвечать, обвиняемый Коверда заявил: «Последняя вещь, которую я читал — «Записки писателя» Арцыбашева».

Адвокат Андреев просит приобщить эту книгу к делу и разрешить ссылаться на нее.

Прокурор заявляет, что экземпляр этой книги был предметом осмотра во время процесса и считает, что ссылки на «Записки писателя» не имеют никакого значения для дела, однако экземпляр с пометками и подчеркиваниями Коверды говорит о состоянии его психики, и прокурор не возражает против присоединения книги к делу.

Адвокат Андреев заявляет, что он отказывается от своего предыдущего предложения и просит присоединить экземпляр, принадлежащий Коверде, и прибавляет, что этот экземпляр был взят вместе с вещами и чемоданом обвиняемого. Суд постановил выяснить содержание свертка, составляющего часть вещественных доказательств. В свертке оказалось: 1) Дело окружного Виленского суда за номером 289/25 о Ионасе Теленбауме, он же Карл Вальтер, он же Ян Рауперт — Арсении Кончаловском и Алексее Соллогубе, обвиняемых по ст. 102¹ Уголовного кодекса. 2) Книга Арцыбашева «Записки писателя», на ней надпись на первой странице карандашом по-русски «Борис Коверда», в середине же различные подчеркивания

и заметки. 3) Папка, состоящая из нескольких экземпляров газеты «Сегодня», издаваемой в Риге в 1925 г. 4) Папка, содержащая: а) конверт с квитанцией в получении одного доллара и две фотографии Бориса Коверды, б) справка об ученике седьмого класса Виленской восьмиклассной гимназии Русского общества, в) метрика рождения Бориса Коверды, г) анкета русского консульства, заполненная Ковердой и его заявление туда же, д) книга Стародворского под названием «Советская аграрная реформа»; на переплете написано «Спасите» и по-русски другая надпись «Помоги».

Чрезвычайный суд постановил присоединить к делу: 1) Протокол осмотра и вскрытия тела посланника Войкова (стр. 16 — 20), 2) Протокол осмотра чемодана Бориса Коверды (стр. 14 а), 3) Протокол осмотра револьвера и патронов, отобранных у Коверды (стр. 59 а), 4) Протокол осмотра бумаг и документов книг и газет (стр. 57 — 68а) и позволить сторонам ссылаться на них.

Судебный пристав докладывает, что свидетель Аркадий Розенгольц, поверенный в делах СССР, прибыл в суд.

На вопрос председательствующего, обращенный к свидетелю, понимает ли он по-польски, свидетель Розенгольц дает отрицательный ответ. Ввиду того, что свидетель Розенгольц не понимает по-польски, чрезвычайный суд постановляет вызвать в качестве переводчика чиновника канцелярии Окружного варшавского суда Клементия Шероноса. Стороны соглашаются на это.

Переводчик Клементий Шеронос на основании ст. 713 Процессуального кодекса, освобождается от присяги. Чрезвычайный суд постановляет свидетеля Аркадия Розенгольца допросить без присяги, согласно ст. 713 Процессуального кодекса и на основании этой же статьи эксперта-переводчика от присяги освободить.

Свидетель Аркадий Розентольц показал по-русски через переводчика следующее: «Из Берлина я уведомил по телеграфу посланника Войкова, что буду в Варшаве. Посланник Войков с сотрудником Представительства Григоровичем встретили меня на Главном вокзале. Узнавши, что я ни в чем не нуждаюсь, посланник Войков отослал Григоровича. Мы сперва прошли в вокзальный буфет, потом посланник показал мне свой автомобиль, после чего мы вернулись на вокзал. Мы шли по перрону и разговаривали. Когда прошли несколько вагонов, я вдруг услышал очень близко выстрел. Я не знаю, стрелял ли убийца спереди или сзади. Я пошел вперед и увидел посланника Войкова, бегущего в направлении, противоположном тому, по которому мы шли. Я не предполагал, что здесь, в Варшаве, может произойти подобное преступление, и что стреляют в Войкова. Сзади Войкова был какой-то человек с револьвером, который стрелял. Войков, после нескольких шагов задержался, достал револьвер и выстрелил два раза, потом зашатался и упал на руки подбежавшего полицейского. Убийца, отбегая, манипулировал с револьвером. У меня было впечатление, что он хотел вторично его зарядить. Он сдался подошедшей полиции с поднятым вверх револьвером. Посланника Войкова поместили в зале вокзала, потом его повезли в карете в больницу, где он вскоре и умер. Я разговаривал с ним немного в вокзальной зале. Войков жаловался, что ему трудно лежать на спине, сел — стало хуже, просил позвать двух профессоров. Мы не говорили ни о причине покушения, ни о личности убийцы. В зале вокзала я слышал как убийца сказал что-то, и последнее слово было — «Россия».

После допроса свидетеля председательствующий спросил стороны, не желают ли они дополнить следствие. Стороны никаких предложений и вопросов, дополняющих следствие, не внесли.

Адвокат Андреев от имени защиты просит заседание перенести на завтрашний день. Остальные защитники присоединяются к его просьбе.

Председательствующий заявил, что судебное следствие закончено, и что предложение защиты не может быть принято, так как члены суда принимают участие в заседании в пятницу и должны подготовиться к завтрашнему дню.

После речей сторон, изложенных ниже, чрезвычайный суд удалился в зал совещаний.

По выходе из зала совещаний председательствующий прочел приговор и заявил, что приговор окончательный.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА КАЗИМИРА РУДНИЦКОГО.

Господа судьи.

Трагизм настоящего процесса безусловно усугубляется в сильной степени тем обстоятельством, что посланник великого государства — русский, был убит на чужой для него территории 19-летним учеником гимназии, также русским. Ибо Борис Коверда — безусловно русский. Он является им не только по происхождению, не только по языку, не только по религии, которая, как мы слышали, является для него чем-то большим, чем обыкновенная рубрика в паспорте. Но прежде всего, он является русским из-за его экзальтированной, ложно понимаемой, блуждающей по ошибочным путям, но тем не менее глубокой любви к своей родине.

Польский гражданин, воспитанный в Польше, считающий Польшу, как он сам говорит, своей второй родиной, хотя он сожалеет о том, что своим поступком нанес вред Польше, но он сделал это, так как считал свой поступок подвигом, выполненным для его первой родины. Мать его говорит о возвращении в Польшу, как о возвращении на родину. Для нее Вильно, где она жила долгие годы, где она родилась и где создалась ее теперешняя семья, является родиной, к которой она стремится и в которой она желает жить. Для ее сына родиной является Россия. А он сам является эмигрантом с этой родины или изгнанником, всегда о ней тоскующий, заботящийся о ее величии, могуществе, обеспокоенный ее судьбою.

И на какую бы ошибочную дорогу ни завела его эта любовь, мы не можем не принять во внимание той правды, которая в нем живет, руководит его неопытным умом, его ошибочными, преступными шагами.

Но, господа судьи, мы не можем преступление, убийство посланника Войкова, считать за спор сегодняшней России с завтрашней Россией или же России сегодняшнего дня с Россией вчерашнего дня, а тем более мы не можем считать, что наш приговор должен разрешить великий спор между двумя лагерями одного народа. Мы не можем ни минуты задумываться над вопросом, кто прав: сегодняшние правители России или же ее эмиграция, которая, измученная и раздраженная, как всякий лишенный своей земли человек, желает ввести какой-то другой порядок в России. Мы не можем ни разрешать, ни касаться этого спора не только потому, что никто из современников не в состоянии разрешить, за кем правда в великих исторических переворотах, но прежде всего потому, что это есть спор русских с русскими, спор внутри государства, борьба сил чужого общества.

Мы не можем также поставить вопроса, был или не был террористический акт Коверды вызван и оправдан террором в России. Мы не можем этот вопрос ставить так, как его поставил русский писатель, книга которого была для Коверды настольной. Мы не можем ставить вопрос, кто первый начал применять террор. Террор не является содержанием революции, он является излишне часто применяемым способом борьбы, и я думаю, что никогда история, отмечая завоевания или отдавая надлежащую дань революционным переворотам, не найдет слов признания или хотя оправдания для террора. Безусловно, террор не умаляет завоеваний Великой французской революции, но все то, что она завоевала для человека и гражданина, не

• может узаконить и оправдать гибель десятка тысяч человеческих жизней.

Террористический акт является всегда преступлением. Человеческая справедливость должна его преследовать и наказывать виновных.

И откинув в сторону те факторы, о которых я говорил выше и которые только могли бы замутить ясность и спокойствие, необходимое для вынесения приговора, мы должны подойти к настоящему процессу, как к процессу об убийстве посланника Петра Войкова Борисом Ковердой.

При этом подходе к процессу мы сталкиваемся сразу с понятием о вечном, никогда не исчезающем, человеческом самомнении. Коверда убивает за Россию, говорит, что стреляет от имени России. Право выступать от имени народа он присвоил себе сам. Никто его не уполномочивал ни на это сведение счетов, ни к борьбе от имени России, ни к мести за нее. Он сам узурпировал себе право выступать от имени народа, или по крайней мере, от той его части, которую он считает народом. Он сам взял на себя тяжесть преступления, которое не лежит ни в чьих интересах, ничего не разрешает, ничего не начинает и не кончает. Если бы мы хотели прибегнуть к обычным сравнениям и великие волны исторического процесса представить в виде морских волн, которые ударяют о сушу, оставляя на ней все новые линии и черты, мы должны были бы Коверду считать одной из маленьких капель воды, одним из атомов, из которых состоит волна, но составляющих только ее маленькую частицу, которую волна несет, выбрасывает и использует в качестве своего орудия... Коверде казалось, что он в состоянии изменить движение волны своими чувствами, мыслями и поступками. Здесь сказалось извечное самомнение человека. Он забыл о тех великих и тайных силах, которые управляют бегом истории, о столкновении всех этих сил, результат которого мы наблюдаем, не будучи одновре-

менно в состоянии понять причину всего происходящего. Ему представляется, что он, бесконечно малая частица, может изменить движение волны, увеличить ее силу и уменьшить крепость прибрежных скал. Он уверовал в своем сердце, что он владеет правдой, что он является выразителем этой правды, ее законодателем и ее мечом. Он забыл о том, что исторической правды в момент великих переломов не открывал никогда ни один величайший человеческий ум, не то что его наполовину юношеская, наполовину детская неустановившаяся мысль. Он забыл, наконец, что для того, чтобы любить свою страну, чтобы осуждать тех людей, которые являются ее выразителями в данный момент, нужно жить в этой стране, наблюдать течение событий, вдумываться в чужие поступки и быть чрезвычайно осторожным как в осуждении, так и в похвале... Трудно отделить, что является безусловно исторической необходимостью, а что следствием человеческой воли, а так легко быстро осудить, и скоро отомстить.

И как в этой великой волне, ударяющей в гранит, был только ничтожной частью умерший посланник Войков, такой же ничтожной частью является и обвиняемый. В хаосе страшного водоворота столкновений стихий разыгралась драма двух атомов. Они столкнулись друг с другом, и в этом столкновении распались — один физически, а другой морально. Какова будет судьба этого второго атома, это будет зависеть от вашего решения, господа судьи.

Это столкновение указанных мною двух атомов мы должны принять во внимание. Мы должны узнать все движения в душе Коверды, которые вызвали его поступок, чтобы за этот поступок дать ему соответствующее наказание.

После всего этого мы должны заняться разрешением вопроса, был ли поступок Коверды результатом заговорщической деятельности какой-либо организации или же хотя бы мало с собой связанных, но действующих совместно не-

скольких лиц. Обыски, произведенные у русских эмигрантов и у лиц, которые по тем или другим причинам казались подозрительными полиции, не дали никаких результатов. Ни в Вильно, ни в Варшаве, ни в Белостоке не найдено никаких следов, связывающих Коверду с чем-либо, ничего, что могло бы служить поощрением или помощью для Коверды в его кровавом поступке. Конечно, эти отрицательные данные еще не исключают существования более законспирированных террористических организаций, действующих против представителей СССР в Польше. Однако, по моему, это исключают обстоятельства, предшествовавшие покушению и сопровождавшие его. Коверда, как известно, прибыл в Варшаву 23 мая, т. е. за две недели до убийства, остановился вначале на один день в гостинице «Астория», а затем в течение двух недель занимал угол в убогой квартире Феникштейн, платя злотый за каждую ночь. Жил он без прописки. Разве организация, замыслившая покушение и заботящаяся об его успехе, не создала бы для своего агента возможности легального пребывания в Варшаве, снабдив его хотя бы фальшивым паспортом, которого Коверда, как мы знаем, совсем не имел, и крупными деньгами, облегчая ему может быть трудный, но во всяком случае возможный побег? А денег, как мы знаем, Коверда в день покушения совсем не имел. Разве затем организация не старалась бы ему облегчить бегство, хотя бы приготовить ему автомобиль? А ведь мы знаем, что Коверда после покушения не двинулся с места и спокойно ждал, когда подойдет полиция и арестует его. Очевидно, что никто не думал об его бегстве, что при наличии заговора нельзя себе представить, хотя бы с точки зрения безопасности других заговорщиков, которых полицейские власти могли найти, имея в руках фактического виновника покушения. Поведение Коверды в отношении полиции является весьма неразумным с точки зрения заговорщика. Почти каждый

день он бывает в консульстве, хлопочет о бесплатном въезде в Россию, где, как он нам говорил, он собирается вести борьбу с правительством. Такое чуть ли не ежедневное посещение могло обратить на него внимание, вызвать подозрение, интерес к его личности и намерениям, могло привести к открытию заговора, если бы Коверда принадлежал к заговорщикам, и сделать невозможным покушение. А ведь до первого июня, до даты окончательного отказа со стороны консульства, Коверда, не скрывая своей фамилии, ежедневно там бывает, оставляет там свою фотографию. Следовательно он поступает так, как нельзя поступать заговорщику, так, как никогда ни один заговорщик не поступит. Самое покушение на посланника Войкова, происходит в условиях, самых неудобных для этой цели. Коверда, на основании газетных сообщений, ищет Войкова каждый день на одном и том же месте, в продолжение нескольких дней, не зная даже, когда произойдет предполагаемый выезд посланника в Москву и произойдет ли он вообще. А ведь для людей, хотя бы сколько-нибудь знающих образ жизни посланника, было известно что его легко можно встретить, как нам рассказал свидетель Григорович, без всякой охраны гуляющим по улице или правящим автомобилем, или разъезжающим на моторной лодке по Висле. Посланника было легче встретить, в продолжение 4—5 дней, где-нибудь в другом месте, чем на главном вокзале; при этом не было известно, когда он туда приедет, а возможность бегства после покушения была весьма невелика.

Все эти внешние обстоятельства, сопровождавшие покушение, безусловно указывают на то, что Коверда совершил его один, без чьего бы то ни было соучастия и без посторонней помощи.

Что однако вызвало это рискованное решение обвиняемого, что толкнуло его на поступок, которого, как под-

твердил и посол Розентольц, никто не мог ожидать на польской территории?

Очевидно причиной этому не были годы, прожитые Ковердой в России. Из периода гражданской войны в России он вынес смутные воспоминания, воспоминания не непосредственные всех тех ужасов, с которыми связана всякая гражданская война; эти воспоминания могли бы глубоко запасть в его душу, если бы он пережил их непосредственно, и если бы он собственными глазами видел пролитие братской крови, но, как мы знаем, самые страшные вещи доходили до него, мальчика 13—14 лет, только в форме рассказов. Личные его переживания, особенно с тем наивным подходом, с каким он нам сегодня их рассказывал, совсем не имеют признаков более глубокой трагедии. Конечно достаточно неприятно сбрасывание фуражки, угроза избиения в случае дачи ложных указаний, даже закрытие школы, которую он посещал; все это безусловно может глубоко запасть в детскую душу и остаться там как неприятное, досадное воспоминание, но это не может быть тем материалом, который может вызвать катастрофический взрыв.

По-моему, другой фактор формировал сознание Коверды и старательно воспитывал в нем элементы ненависти и мести. Этим фактором была та литература, вернее журналистика, которой питался Коверда в течение последних лет. Он рано начал жить в мире газетных сообщений, освещаемых соответственно с направлением газеты. Мы ведь знаем, что в последнее время помимо чисто технической работы, он делал из газет, в которых он работал, специальные вырезки, касающиеся всех тех зарубежных событий, которые, согласно мнению большинства прессы, особенно эмигрантской, являются исключительным содержанием жизни перешенной России. Чтобы судить свою страну, сказал я сегодня, нужно жить в этой стране, в ней работать и страдать. Нельзя, однако, судить ее, живя в атмосфере газетных

сплетен и эмигрантских надежд. Ибо этот суд никогда не будет глубоким и правильным. Эта искусственная атмосфера, в которой билось сердце Коверды, не могла не влиять на его мысли, на его волю. Находясь в состоянии постоянного возбуждения, Коверда вернулся к воспоминаниям детства, о которых нам говорила его мать. Он захотел стать, как герой его мечтаний, Сусанин, спасителем гибнущей России и начать борьбу с теми, которых он всегда считал ее врагами и угнетателями. Эта мысль ему представлялась еще неясно, или поездка в Россию и там какая-нибудь организация, какая-нибудь группа людей, одинаково с ним мыслящих, а может быть только какой-нибудь террористический акт, или в случае невозможности выезда, какое-нибудь убийство, долженствующее пробудить бездействующую, по мнению Коверды, эмиграцию. Словом, хаос мыслей, насыщенных тяжелыми испарениями крови. Если мы прибавим, что это экзальтированная и фанатическая натура, не могущая найти никакого выхода в своих мечтаниях о служении родине и видящая это служение прежде всего в совершении преступления, столкнулась с книгой, может быть, написанной с большой сердечной болью, но наполненной ненавистью к людям сегодняшней России и сочувствием к каждому поступку, направленному против этих людей, то мы должны будем прийти к определенному выводу, что не русская действительность, а ее отражение в литературном зеркале было тем моментом, который вызвал смерть посланника Войкова.

В психике Коверды мы должны искать ответ на вопрос, сам ли решился Коверда на этот кровавый поступок, или его кто-нибудь толкнул на него?

Я утверждаю, что в этой не успокоившейся до сегодняшнего дня атмосфере междоусобной борьбы русских между собой, экзальтированный и неуравновешенный юноша сам решился на убийство.

Мне нет нужды дальше останавливаться на юридической квалификации поступка. Тот факт, что убийство посланника Войкова было совершено в результате длительного размышления о необходимости применения террора в отношении лиц, находящихся у власти в Советской России, что конкретный план убийства Коверда составил за несколько дней до его осуществления, что он сам систематически искал встречи со своей жертвой, что, наконец, после самого факта убийства он не проявлял никаких признаков того волнения, о котором говорится в ст. 458 Уголовного кодекса, позволяет мне особенно категорически и без колебаний утверждать, что квалификация, предусмотренная в ст. 458 Уголовного кодекса, в данном случае применена быть не может. Безусловно следует исключить квалификацию по ст. 467 второй части Уголовного кодекса.

Цель, которую преследовал Коверда, настолько не возбуждает сомнения, стремление его лишить жизни посланника Войкова так очевидно, что нельзя допустить возможности юридического определения поступка Коверды, как нанесения тяжелого ранения со смертельным исходом.

Вопреки распространению некоторыми заграничными газетами сообщений, что посланник Войков умер вследствие несвоевременной и недостаточной врачебной помощи, установлено, что скорая помощь, вызванная немедленно после покушения, прибыла меньше чем через 10 минут после выстрела.

Посланник Войков был тотчас привезен в больницу «Младенца Иисуса» и перенесен в операционную залу, где перед началом операции умер, в 10 час. 40 мин., т. е. в неполные пятьдесят минут после получения раны.

Если мы поднимаем вопрос о правильности предания Коверды чрезвычайному суду, то, очевидно, сомнение может вызвать, кроме разрешенного вопроса о квалификации преступления, только то обстоятельство, что убитый не был

государственным чиновником Польской республики, но представителем другого государства. Прежде всего мы должны констатировать, что в тексте распоряжения Совета министров от 28 декабря 1926 г. предусмотрено предание Чрезвычайному суду за убийство государственного должностного лица. Таким образом может встать вопрос, пользуется ли специальной защитой исключительно только государственное должностное лицо Польского государства или каждого другого государства, поскольку оно было объектом покушения в связи или во время исполнения своих служебных обязанностей. Из показаний Коверды выясняется, что он убил посланника Войкова именно как представителя советской власти. Пост и функции посланника чужого государства не могут быть исполняемы без разрешения той власти, которая правит в государстве. Посланник в Польше согласно Конституции не может выполнять своих функций без принятия от него вверительных грамот президентом республики. Таким образом, выполнение его функций зависит не только от назначения со стороны его государственной власти, но также является необходимым согласие власти того государства, в которое он назначен. Таким образом, в лице посланника в известной степени соединяется должностное лицо чужого государства и должностное лицо государства, на территории которого он находится. Характер деятельности посланника, состоящий в разрешении целого ряда вопросов, касающихся интересов обоих государств, еще более подчеркивает правильность такой точки зрения. Практика судов, выносивших решения о применении кодекса, имеющего в настоящее время силу на польской территории, высказалась в том же духе. Верховный трибунал в Вене решил в деле избития русского таможенного стражника при задержании им контрабандиста на австрийской территории, что виновный не подлежит тому наказанию, какое полагалось бы за избе-

ние австрийского таможенного стражника, только потому, что русский стражник действовал незаконно. В другом совершенно подобном случае тот же трибунал признал, что немецкий таможенный стражник находится под такой же защитой закона, если он подвергается опасности, как и австрийский таможенный стражник, ибо между Австрией и Германией было заключено соглашение, дающее немецкой таможенной страже право действовать на австрийской территории (Собрание решений суда от 7 августа 1882 г., № 478 и от 28 декабря 1857 г., № 1033). Безусловно, если целая отрасль государственного управления может быть предметом международного договора и рассматриваться таким образом, что приравнивает чиновника другого государства к собственному, то тем более посланник чужого государства, обладающий согласно договорам, постановлениям Конституции и международным обычаям особыми полномочиями для выполнения должностных функций на чужой территории, должен быть защищаем так же, как чиновник того государства, в котором посланник аккредитован.

Коверде, господа судьи, следует дать суровое наказание, суровое даже, несмотря на его молодой возраст, ибо его вина весьма велика. Выстрел, произведенный им, убил человека, убил посланника, убил чужестранца, который на польской земле был уверен в своей безопасности.

Этот безумный и роковой выстрел, последним эхом которого да будет ваш приговор, Польская республика, которая будет говорить вашими устами, должна осудить и сурово наказать. Слишком тяжелое оскорбление нанесено ее достоинству, чтобы она могла быть мягкой и снисходительной. Она обязана быть суровой в отношении виновного, значит, и вам нельзя не быть суровыми.

Через минуту вы должны стать мыслью и совестью республики, болеть ее заботами, возмущаться ее гневом, карать ее мудростью. И если вы из-за милосердия, которое ей свойственно, захотите проявить снисхождение, взвесьте и помните, что это не вы, но она будет оказывать милосердие!

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА МАРИАНА НЕДЗЕЛЬСКОГО *).

Господа судьи!

Во тьме веков истории человечества таится зарождение той заповеди, которая заключается в простых словах: «не убий». Еще в то время, когда происходила повседневная кровавая борьба за каждую добычу, когда сильный перегрызал горло слабому в борьбе за пищу или жилище, стало пробуждаться в человеческих душах первое туманное понятие о том, что человеческое сожитие не может основываться на убийстве, а на уважении к жизни ближнего. Это неясное, подсознательное чувство складывалось потом в течение тысяч лет, выковывалось в войнах и переворотах, улучшалось в ученых спорах и религиозных диспутах, — пока с течением времени не пустило таких глубоких корней в человеческих душах и обществах, что стало первейшим и важнейшим среди всех императивов, на которых зиждется мир.

Почти две тысячи лет прошло с тех пор, как великий учитель дал этой заповеди, уже созревшей в умах лучших людей того времени, новое глубокое содержание и значение, провозгласив лозунг: «люби ближнего, как самого себя».

Вся история Европы и всего мира есть не что иное, как борьба за всеобщее право гражданства для этого святого лозунга.

И вот в XX веке, казалось, близится момент окончательной победы этого кардинального принципа. Сознание этой правды стало достоянием народов всего земного шара, и

только где-то в глухих уголках земного шара, на далеких островах среди океана, сохранились остатки людоедства.

Среди же цивилизованных народов жило еще чувство узаконенного кровопролития в виде войн для защиты прав и жизненных интересов народа. Однако, и этот пережиток седой древности заколебался уже под могучим веянием идеи всеобщего мира, которая раз навсегда должна была положить конец войне, как способу регулирования человеческих дел.

В этот именно исторический момент на востоке Европы разверзлись недра земли или ада, и на поверхность света вылезла толпа лжепророков, провозглашающих новую веру: ложен был путь, по которому шло до сих пор человечество! Бесплоден и ненужен принцип любви ближнего! Ничего не стоят достижения 20 веков христианства, привитого человеческим сердцам и писанным законам народов!.. Убийство и месть — вот императивы будущего; на крови и развалинах надо строить будущее!..

«Мы уничтожим девять десятых человечества, лишь бы одна десятая дожидая до окончательной победы большевизма», сказал первый пророк Ленин. «Единственной формой победы является уничтожение противника», добавил второй пророк Троцкий. Третий — Бухарин — утверждает, что «только путем убийств и казней складывается сознание коммунистического человека». Дзержинский считает кровавую расправу Чека «проявлением народного гнева, взятого в систематические рамки». Зиновьев восславляет это орудие убийства миллионов людей, называя его «красой и гордостью русской революции». Диктатор Украины Ладис цинически провозглашает новый принцип юстиции, от которого содрогнулась бы даже душа варвара: «Не ищите доказательства того, что обвиняемый действовал поступком или словом против советской власти. Первый вопрос: к какому классу он принадлежит? Это решает

судьбу обвиняемого. Не наказание нужно, а уничтожение».

Существует сверх того признание одного из этих лже-пророков, Луначарского, которое словно молния освещает глубочайшие тайны мрачной души новой религии и возвещает миру смертный приговор всем достижениям христианской цивилизации: «Долой любовь ближнего, — сказал Луначарский, — мы должны научиться ненавидеть. Мы ненавидим христиан; даже лучшие из них — это наши враги. На знаменах пролетариата должны быть написаны лозунги ненависти и мести!..»

А из-за всех этих призывов вылезает одно слово — убий! убий! убий!

Убий старца и дитя! Убий священнослужителя! Убий слабую женщину! Убий беззащитного больного!.. Убий!..

Можно думать, что нет такой сатанинской силы, которая была бы способна осуществить эти страшные лозунги.

Напрасные иллюзии!

Банда жаждущих крови палачей взяла в свои когти власть над огромной русской страной и свершила адское дело, погрузив весь народ в море крови и слез.

Расходилась машина разрушения и сложила в могилу неисчислимое количество человеческих жизней. По подсчетам русского социалиста Мельгунова — уже в первый период большевистского господства пало по приказу кровавой Чека миллион семьсот тысяч людей. Проходят годы, а каждый день поглощает новые жертвы...

Страх и ужас пали на весь русский народ; всеми возможными путями ушли за границу страны многочисленные толпы изгнанников; спасая головы от меча палачей, они потеряли все, что им было дорого: они потеряли родину, родных, имущество...

О, русский изгнанник! Кто понимает твою недолю лучшего поляка, который в истории своего народа вынужден был

столько лет пребывать на чужой земле. Кто глубже почувствует твою муку, о, русский паломник! чем народ Мицкевича, который, желая определить унижение изгнанника, не нашел соответствующего слова в человеческой речи: «И дано ему будет то же имя, что и первым последователям Христа»!..

Трагедия русской эмиграции является одной из наиболее великих в истории.

Те, которые овладели страной, плотно захлопнули за изгнанниками двери родной страны. Им сказано: нет у вас родины навеки! Нельзя вам никогда вернуться в родную страну!

И этот запрет осуществляется со всей суровостью по отношению ко всем изгнанникам: и к тем, которые желали бы вернуться на родину для того, чтобы приступить к делу мести, и к тем, которые хотят в родной стране посвятить себя мирному труду, и к тем, наконец, которые ничего не предполагают и хотят лишь вернуться в землю отцов своих, успокоить свою тоску, упасть на лицо, целовать родную землю, оросить ее слезами...

Господа судьбы! Неправа та часть польского и европейского общественного мнения, которая устами господина прокурора осуждает поступок Бориса Коверды за то, что он совершил его на чужой земле, нарушив закон гостеприимства. Коверда хотел поставить на карту свою молодую жизнь и отомстить в самой берлоге Советов. И не его вина если ему отказали в паспорте. Бледный страх комиссаров за собственную шкуру, страх, который всегда характеризовал палачей, презирающих чужую жизнь, равнодушных к стонам и крикам отчаяния — преградил Коверде доступ в родную страну.

Вот почему то, что должно было совершиться, свершилось не на русской, а на польской земле. Действительным виновником этого является не Борис Коверда и е м у п о -

д о б н ы е, а советский режим, который, с одной стороны, поддерживает и раскаляет ненависть и отчаяние в душах эмигрантов и насильно заставляет их жить в чужих странах и в то же время посылает в эти страны своих доверенных лиц, которые в глазах эмиграции являются живым символом кровавой большевистской веры и олицетворением причин всей русской трагедии.

Столкновение здесь неизбежно!..

Необходимо вспомнить, что вся Европа усеяна ныне миллионами людей, которые имеют с большевизмом жестокие счеты, не на жизнь, а на смерть: среди этих миллионов имеется громадное количество изгнанников — коренных русских, которым нечего терять, ибо все у них отобрали Советы. Имеется большое количество иностранцев, которые жили и работали в России и которые лишились всего. Это те поляки, французы, немцы, англичане, которые пришли в Россию, полные сил, с культурой, знанием и капиталом, и которых нынешняя Россия выгнала за границу и пустила по миру с сумой. Существует, наконец, третья категория людей, которая ненавидит большевиков и Советы за то, что они делают на нашей родной земле; за то, что они хотят взорвать наши дома, уничтожить наше существование, веру, государство и цивилизацию. Что более бесспорно, чем право на самооборону? Кто может приказывать Европе ожидать спокойно, пока над ней не провалится крыша? Кто может удивляться тому, что растет количество людей, полных молодой энергии, которые делом готовы заставить Советы отступить из Европы со своих разрушающих постов?

Европа усеяна миллионами людей, которые видят свое спасение и спасение всего мира в уничтожении большевизма.

А Советы требуют для своих дипломатов гарантий безопасности, чтобы ни у кого из них не упал волос с головы. Они требуют абсолютной гарантии того, чтобы жизнь их

была защищена от всяких покушений. Они требуют этого во имя европейской культуры, во имя святого, ненарушимого принципа: «не убий».

Ах! Хотел бы я спросить вождей большевизма, что было бы, если бы Европа хотя бы на одну минуту переняла их принципы и захотела бы «написать на своих знаменах лозунги ненависти и мести». Ох! Как коротки были бы тогда дни жизни тех советских дипломатов, на руках которых еще не обсохла кровь невинных жертв...

Однако, нет! Европа показала, что она умеет быть верной своему слову, усиленно оберегая безопасность и спокойствие коммунистических эмиссаров; а все население доказало также, что оно умеет держать на привязи свои страсти, овладевать все более возрастающим гневом; и все это потому, что у европейца в плоть и кровь вошла старая заповедь «не убий».

Может ли существовать более красноречивое доказательство этого, чем тот факт, что за все время, в течение которого кошмар большевизма висит над Европой — свершились только два акта мести; один в 1923 г. в Швейцарии, когда убит был Воровский; другой — спустя четыре года на польской земле — убийство Войкова. Неужели эти две жизни являются таким ужасом в сравнении с миллионом семьями тысяч невинных жертв Чека? С десятками миллионов жизней, поглощенных по вине советского эксперимента, гражданской войной, голодом, нуждой и болезнями? Будьте хоть раз в жизни искренними, господа комиссары, и признайте, что эти две жизни это действительно не так уж много в сравнении с десятками миллионов ваших жертв!

Вся культурная Европа, а в особенности польский народ и также русская эмиграция, рассеянная по всему земному шару, оказались непоколебимо верными христианской культуре, неизменно послушными заповеди: «не убий».

Когда мне говорят, что торжественная траурная помпа, с которой провожали прах Войкова, была устроена нашим правительством ради международной вежливости, для занесения в дипломатический протокол, — я этому не верю.

Всякий, кто умеет вникнуть в сущность и содержание дела, кто знает польскую душу, тот услышал в мрачном барабанном бое и печальном рыдании труб плач цивилизованного человека над свершившимся преступлением, над горем вдов и сирот... Неправильный цивилизованный человек низко склоняет голову перед величием смерти...

Борис Коверда был, как мы уже здесь слышали, образцовым верующим христианином. Он чувствовал себя наследником духовного труда поколений и считал себя призванным в активной защите этого наследства. Откуда же, однако, взялось в душе этого отрока евангельской простоты столько решительности, столько смелости, больше того — столько жестокости, чтобы в своей душе вынести смертный приговор живому человеку и привести этот приговор в исполнение собственной рукой? Это глубокая загадка, которую полностью может понять только тот человек, который вблизи, на собственном опыте и по личным переживаниям, узнал всю мерзость большевистской бойни, который как Коверда, видел своими глазами убийство и пытки... Тогда, повидимому, и брызнула на его невинную душу кровь какой-нибудь умученной жертвы, овеяли его ядовитые испарения, носящиеся над морем пролитой крови; тогда именно Борис Коверда стал способным к тому, чтобы поднять руку на ближнего своего в отмщение.

Кто может отрицать то значение, которое имеет и для определения вины Бориса Коверды и для оценки его поступка с точки зрения большой политики вопрос: имел ли Коверда сообщников, другими словами, не был ли его поступок приведен в исполнение приговора объединения, имеющего целью террористическую деятельность? Нам

недолго придется трудиться над разрешением этого вопроса.

Известно, что среди русской эмиграции существует целый ряд группировок и союзов различной окраски, начиная с чистой воды монархистов и кончая социалистами-революционерами. И вот, несмотря на существование в течение ряда лет стольких группировок, столь пестрых по своей окраске, свершились всего лишь два покушения на советских дипломатов: одно от руки Конради, другое от руки Коверды. Из них один коренной швейцарец и один только русский. Между двумя покушениями промежуток в несколько лет. Разве можно серьезно говорить о том, что таким образом проявляется деятельность организации, поставившей своей задачей террор? Разве можно усмотреть в двух фактах, оторванных друг от друга, хотя бы из-за свершивших их лиц, реализацию какого-то заранее принятого плана? Ясно — нет. Террористическая организация, которая действует таким темпом, не есть террористическая организация, она вообще не опасна. Она более невинна, чем общество, имеющее насквозь мирные цели и лозунги.

Существует еще другое неопровержимое доказательство того, что Борис Коверда не действовал от имени организации. Об этом свидетельствует его чрезвычайно убогая экипировка. Если бы он был делегатом какой-нибудь большой группировки, то, ей-богу, нашлись бы люди, русские или иностранцы, которые снабдили бы его необходимыми средствами, без которых не может обойтись ни одна плановая акция, которые снабдили бы убийцу какими-нибудь усовершенствованными техническими средствами. Ничего подобного здесь не было; наоборот: весь капитал Бориса Коверды перед убийством составлял круглую сумму в 20 грошей. Все вооружение убийцы составлял старый потертый и заржавленный автоматический револьвер.

Существует еще одно доказательство, вытекающее из установленных следствием условий, в которых за последние годы протекала жизнь Коверды. Он проживал, правда, в Вильно, большом городе, поддерживающем связь с внешним миром — но в полной изоляции от мира. Мы видели тут ясно, как на ладони, как протекала жизнь Коверды: несколько часов ежедневной напряженной работы, подрывающей молодые силы, жалкий заработок, который должен был удовлетворять потребности почти всей семьи, ни гроша для себя, ни одной свободной минуты, никакой возможности уйти куда-либо от серой каждодневной работы. Да, Коверда номинально жил в большом городе, но в действительности он прозябал в своем глухом темном углу, отгороженном от остального мира.

Несмотря на все эти, бросающиеся в глаза, доказательства, не оставляющие места для каких-либо сомнений, люди, проникнутые враждебной нам политической тенденцией, повторяют с упорством маньяков: «А все же должна была быть организация. Коверда должен был иметь сообщников».

Согласен, признаю, что он имел сообщников, однако, других, чем вы предполагаете. Таких, которые не смогли снабдить Коверду ни деньгами, ни оружием — по той простой причине, что эти сообщники Коверды не от мира сего: в момент, когда Борис Коверда очутился с глазу на глаз с кровавым советским сановником, за его плечами, словно стена, стали миллионы душ замученных советами людей, старых и молодых, женщин и детей, священнослужителей, врачей и сестер милосердия... Эти духи дали нечеловеческую силу слабой руке Бориса Коверды и подняли эту руку, дабы нанести смертельный удар из старого заржавевшего оружия тому, кого судьба обрекла на смерть...

Что ты сделал, несчастный мальчик? Спокойствие всей страны нарушено, везде возмущение и разногласие.

Нарушено гостеприимство братского народа! Большое государство, лежащее к востоку от нашей границы, брядает оружием и призывает к жестокой мести. Десятки голов твоих соотечественников падают в Москве в ответ на твой поступок! Страшные последствия — дальнейшего развития их нельзя учесть — страшные последствия, которые, казалось бы, должны пасть на твою голову и раздавить ее своей тяжестью... Нет, это было бы несправедливо! Последствия эти, имеющие большое международное значение, не могут пасть на Бориса Коверду, ибо они слишком велики для того, чтобы их рассматривать как результат индивидуального поступка. Размер этих последствий свидетельствует о том, что причины убийства и его последствий значительно шире и глубже. Если докапываться до этих причин, то надо ясно сказать; они основываются на неумолимом противоречии, которое существует между существующей ныне во всем мире современной христианской культурой и генеральной попыткой большевизма вернуть человечество на путь первоначального варварства. Вот почему бремя большой исторической ответственности падает не на незначительную личность Бориса Коверды, а на коммунизм, который повлек за собой столько катастроф и который вызовет еще не одну катастрофу, доколе не осуществится победа справедливости и права...

Поэтому нельзя бросать на чашу весов приговора по настоящему делу тех великих переломов, которые родились из истории и которые история выравнивает. Зато можно и должно бросить на чашу весов, которая склоняется к милосердию, другие печальные последствия поступка Коверды, те, которые укладываются в рамки его платежеспособности: выстрелы Коверды ввергли его на долгие годы за тюремную решетку; выстрелы эти привели к тому, что Борис Коверда, который не мог перенести унижения своей родины, будет долго, долго смотреть на свет издали, смотреть сквозь

слезы и железо... И жить без минуты спокойствия, с постоянной заботой об отчаянном положении семьи, погруженной в нищету, лишившейся своего единственного кормильца ¹⁰⁾.

Эту безбрежную долю, без надежды на лучшее будущее надо бросить на чашу милосердия. Если этого мало — бросим на чашу любовь к родине, которой Борис Коверда посвятил свою молодую жизнь.

Если и этого еще мало, положим на чашу весов этот символ, который Коверда защищал по своему разумению — крест, на котором написана вечная заповедь: «не убий»...

Чаша милосердия должна перевесить!..

РЕЧЬ АДВОКАТА П. АНДРЕЕВА ¹¹⁾.

Г о с п о д а с у д ь и!

Вынужденный, несмотря на смертельную усталость, вызванную работой в течение целого дня и опасением за судьбу обвиняемого, говорить в защиту Бориса Коверды, я надеюсь, что забота о судьбе этого бедного мальчика придаст мне сил и позволит с достоинством провести эту защиту. И если незнакомое и чужое окружение, серьезность дела и высокий столичный трибунал, перед которым я выступаю в первый раз — помешают мне и не дадут возможности облечь мои мысли в одежду слов, достойных серьезности дела и вас, господа судьи, если мысли мои не будут иметь соответствующий формы — я убежден, что Высокий суд сумеет узреть сквозь неудачную форму искреннее содержание, полное любви к юному Борису Коверде.

Однако, для того, чтобы дискуссия не была бесплодной, для того, чтобы спор между обвинением и защитой протекал в одной плоскости — я вынужден ввести некоторые поправки в речь господина прокурора:

Спор между Ковердой и Войковым — это не внутренний спор, спор двух русских с различными взглядами на дела родины.

Нет!

Коверда страдал за несчастья своей родины, боролся за нее — Войков же не представлял родины Коверды, а новое, созданное из крови и кровью питающееся государст-

венное новообразование, которое даже со своих знамен сорвало имя России.

Родина — это не только территория, не только совокупность людей.

Родина — это комплекс традиций, верований, стремлений, святости, культурных достижений и исторической общности, основанной на человеческом материале и земле, занятой этими людьми.

Родина — это история, в которой создается народ. А разве СССР может создать народ?

Нет!

И не во имя своеобразно понятого блага родины боролся Борис Коверда; этот бедный одинокий мальчик выступил против неумолимых врагов своей родины.

И здесь, быть может, из всех защитников он мне ближе всего, как человеку, рожденному от матери польки и отца русского. Он мне близок и понятен, ибо я не забыл того, чем я обязан родине моего отца. Я не забыл и не забуду языка, в котором складывалось моя душа и прививались чувства права, справедливости, любви и чести.

Этого не мог забыть Борис Коверда; он не мог не видеть всего ада нужды, отчаяния и унижения, в которое была ввергнута его родина теми, которые пытаются вычеркнуть само имя «Россия» из словаря истории.

Душа этого чистого мальчика не могла этого перенести: в ней родился бунт, и Борис Коверда — жалкая пылинка — выступил против ужасной силы не во имя гордости, не во имя ненужного реформаторства, как это хочет видеть господин прокурор.

Гордость?

Господа судьи, разве в этом мальчике, сидящем здесь на скамье подсудимых, можно усмотреть хотя бы тень гордости, этого сатанинского искушения? Разве вы не поняли, господа судьи, что Борис Коверда — это мальчик

с чистой, кристальной душой, с голубиным сердцем; мальчик, способный на жертву, мальчик, которого на страшный поступок убийства толкнула не гордость, а любовь к неисчислимым массам сородичей, уничтожаемых, попираемых и убиваемых III Интернационалом. Я сказал, что в душе Бориса Коверды родился бунт.

Как это случилось?

Каким это образом мальчик с голубиным сердцем, религиозный, для которого религия не была выполнением обрядов, а содержанием души — вдруг превратился в мстителя и вопреки догматам своей веры нарушил божескую заповедь — «не убий»?

Это свершилось не сразу.

Ненависть понемногу росла в душе мальчика, пока не достигла таких размеров, что взрыв стал неизбежным, и если бы этот взрыв не был направлен против Войкова, он был бы направлен против Бориса Коверды.

Если мы возьмем отдельные события из жизни Бориса Коверды, как это он нам рассказал, — мы не найдем среди них ни одного такого, которое непосредственно вложило бы в его руку револьвер.

Однако, так нельзя подходить к вопросу, ибо, расчленив ряд событий, складывающихся при создании известной психологии, мы всегда из великого дела можем создать ряд мелких, жалких и смешных вещей. Личные события в жизни Коверды — это песчинки, однако, связанные между собой и с тем, что Коверда слышал и читал, они образовали глыбу, которая разможила религиозную душу верующего мальчика и толкнула его на отчаянный шаг.

В детстве он был свидетелем того, как рухнул весь социальный уклад, в котором он жил, как его гимназическая фуражка — гордость девятилетнего сердца — стала объектом издевательств, вещью, которая могла навлечь опасность. Он узнал, что улицы, по которым он шел обычно

в школу, стали опасными даже для таких малышей, как он.

Он узнал, что такое голод, он узнал, что можно безнаказанно мучить и убивать людей; он видел, что это делают те, кто завладел его отчизной — большевики.

Разве мог Борис Коверда видеть там, за границей, возвышающие ум и сердце вещи?

Нет!

Постепенно нарастала сознательность ребенка, постепенно расширялся кругозор его наблюдений, и отовсюду на него глядела мерзость.

Я не буду говорить о том, что он вынужден был видеть в Совдепии; об этом уже сказал коллега Недзельский; однако то, что он видел, зародило в его душе возмущение, отвращение и презрение, граничащее с умопомешательством. Под знаком тех ужасов, которые свершаются ныне в России, складывалась душа бедного мальчика, который, несмотря на все соблазны, остался, как об этом свидетельствует его исповедник, учителя и родители — чистым, религиозным и любящим дитятей.

Он никогда не отклонялся от раз избранной линии, втягиваемый в коммунистическую работу, замаскированную его товарищами под вид культурной работы в белорусской гимназии, он почувствовал, что червонцы, за которые велась эта работа, вычеканены из церковной утвари, он бросает белорусскую гимназию и переходит в русскую гимназию, где его окружает атмосфера, еще более благоприятствующая развитию ненависти к людям, которые превратили его прекрасную отчизну в дно нищеты и сапноток ¹²⁾.

Его работа давала ему возможность знакомиться при посредстве газет с тем, что происходит за рубежом; сравнение официальной лжи большевистских газет с правдой, которую приводили все доступные ему газеты мира, не-

немногу проливалось в его измученную и отравленную душу яд ненависти и создало невыносимое состояние.

Так дальше жить нельзя! Надо что-нибудь свершить; надо действовать — иначе умопомешательство овладеет душой человека.

Вокруг себя он видел апатию, трусливость, лень. Там за рубежом — ужас и смерть.

Выбора не было!

Коверда пытается пробраться нелегально за границу, чтобы бороться за своих братьев — это ему не удастся.

Он приезжает в Варшаву — однако, и здесь неудача — не дали визы. Если нельзя бороться там, — надо бороться здесь.

А жизнь не задерживается, психическое настроение растет, усиливается, и, наконец, в руки Коверды попадает страшнейший обвинительный акт против большевиков: книжка М. Арцыбашева: «Записки писателя» ¹³⁾.

Это был тот фитиль, который вызвал взрыв. На польской земле, в своей второй отчизне, бедный мальчик совершает поступок, о котором он сожалеет ввиду тех неприятностей, которые он причинил Польше, определяя для себя в момент его свершения высшее наказание, ибо мы знаем, что Борис Коверда был верующим мальчиком, готовым на жертвы ради ближних своих. Мальчик, который не колебался посвятить для блага семьи свою личную карьеру и бросил школу, для общего блага — не колебался посвятить свою жизнь.

Коверда убил Войкова, но разве это является основанием для предания чрезвычайному суду? Со всей решительностью я заявляю: нет!

Закон о чрезвычайных судах, закон, предназначенный для внутреннего употребления, — исключительный закон, вообще не переносит расширительного толкования и требует точного применения.

Приводя этот закон, господин прокурор несколько рано прерывал цитирование, ибо этот закон не всегда охраняет государственного чиновника и не во всех случаях.

Только тогда, когда убийство государственного чиновника свершилось при исполнении или вследствие исполнения служебных обязанностей, преступнику грозит Чрезвычайный суд.

Кого убил Коверда?

Войкова — посла при Польской республике или Войкова — члена Коминтерна? А ведь убитый Войков был таким двуликим Янусом.

Ответ мы найдем в словах Коверды — «Я убил Войкова не как посла и не за его посольскую деятельность — я убил его как члена Коминтерна и за Россию» ¹⁴).

Где же здесь убийство государственного чиновника по причине или во время исполнения им служебных обязанностей?

О, господа судьи, если бы я имел материал, доказывающий деятельность Войкова в Польше как члена Коминтерна — не могло бы быть и речи о суде вообще, а о чрезвычайном тем более!

Господа судьи! Завтра праздник «Божьего тела» ¹⁵), праздник Пречистой крови, пролитой за грехи мира, праздник величайшей жертвы и любви. Я не хочу, я не могу верить и не поверю тому, что польский суд, суд народа, который столько крови пролил за свою и чужую свободу, что этот суд прольет жертвенную кровь ребенка и погрузит в мрак небытия бедную голову мальчика.

РЕЧЬ АДВОКАТА МЕЧИСЛАВА ЭТТИНГЕРА ¹⁶).

Господа судьи!

Мы разделили меж собой защиту, и моей задачей является представить вам наши выводы по вопросу о характере суда.

Позволяет ли вам закон республики судить Коверду и наказать его согласно немилосердно суровых предписаний о чрезвычайных судах?

Можно ли лишать его тех гарантий, которыми пользуется подсудимый при обычном судебном разбирательстве и оценке его вины согласно принципам нормального закона?

По глубокому убеждению защиты, предание Коверды Чрезвычайному суду противоречит закону. Мы требуем, чтобы вы исправили эту ошибку обвинения и направили дело на путь обычного разбирательства. Обвинение полагает — и недавно в своей речи г. прокурор выразил этот взгляд и убеждал суд в его правильности — что умерший посол Войков, как представитель Советов при Правительстве республик, пользовался в нашем государстве опекой и защитой закона, коим республика охраняет своих чиновников.

Я полагаю, что легко смогу убедить вас в том, в какой степени этот взгляд обвинения далек от юридической действительности и не находит обоснования.

В польском государстве закон охраняет чужестранца наравне с польским гражданином. За обиду, причиненную

иностранцу, угрожает не меньшая ответственность, чем за покушение на права нашего гражданина.

Однако, наш закон не защищает иностранца сверх той меры, которую мы признали достаточной для защиты наших граждан, даже если этот иностранец в своей стране пользуется, по государственным соображениям, особенной, усиленной охраной.

Каждое государство заботится прежде всего о нормировании и упорядочении собственной жизни, о своем строе, о своей власти и авторитете, о своих нуждах и интересах. От международной солидарности, которая доходит до того, что не отличаются в законодательстве свои и чужие интересы — мы весьма далеки. Всякое законодательство служит своему государству. Если оно охраняет чиновников, угрожая суровыми карами за направленные против них преступления — оно (законодательство) делает это, без сомнения, не во имя абстрактной идеи власти и не для иностранных государств, а для обеспечения уважения и безопасности своим представителям и органам своих властей.

Рассматривание законодательством иностранных чиновников наравне со своими, принципиально не может быть обосновано и находится в явном и несомненном противоречии с общей тенденцией.

И поэтому, в то время как закон говорит вообще о чиновниках или должностных лицах, мы не можем предполагать, что законодатель имел в виду своих и чужих должностных лиц без различия.

Позиция нашего законодательства по этому вопросу совершенно ясна и не должна возбуждать никаких сомнений.

Когда обязывающий у нас Уголовный кодекс желает дать иностранному должностному лицу усиленную охрану, он это делает путем особых постановлений. Кроме особых постановлений об ответственности за покушение на главу иностранного государства, мы находим в кодексе специаль-

ные постановления, охраняющие честь и личную неприкосновенность иностранных дипломатических представителей — в ст. 478 и 535. А дальше закон молчит о преступлениях против дипломатических представителей и вообще иностранных должностных лиц.

Коль скоро существуют в кодексе особые постановления, относящиеся к оскорблению и нарушению личной неприкосновенности дипломатических представителей, — то отсюда а контрарно вытекает, что, ввиду отсутствия соответствующей статьи, покушение на жизнь иностранного дипломатического представителя подлежит общим принципам ответственности за убийство. Молчания закона иначе нельзя понимать.

Впрочем, даже и в том случае, когда кодекс специально защищает иностранное должностное лицо, — он не ставит его на один уровень с должностными лицами республики и ясно подчеркивает разницу. Оскорбление нашего сельского старосты — не очень высокого сановника в нашей чиновничьей иерархии — влечет за собой, согласно кодексу, более тяжелое наказание, чем оскорбление представителя высшей власти иностранного государства.

Мысль закона ясна: вне ст. 478 и 535, вне оскорбления и насилия над личностью дипломатического представителя, всякие преступные акты против иностранных должностных лиц кодекс рассматривает как направленные против обыкновенных лиц, игнорируя положение пострадавших.

Аналогичны были предписания прежнего русского Кодекса исправительных наказаний. Известный Таганцев, славный русский криминалист, в своем произведении «О преступлениях против жизни» со всей настойчивостью делал вывод из этих предписаний, что убийство иностранного посла влечет за собой ответственность наравне с обыкновенным убийством.

Когда впоследствии составлялся в России Уголовный кодекс, принятый недавно нами, — кодекс 1903 г. — была затронута мысль — не надлежит ли выделить в законе убийство иностранного дипломатического представителя. Редактора проекта единогласно отвергли эту мысль. В объяснительной записке, в сущности являющейся лучшим комментарием к нашему теперешнему кодексу, они заявили, что нет оснований признать убийство посла квалифицированным убийством, подлежащим высшему наказанию, и что в этом случае вполне достаточно ответственность на основании общего постановления об убийстве, содержащегося в ст. 384 проекта (соответствующий нынешней ст. 453). Так понимали кодекс выдающиеся представители русской юридической мысли.

Однако обвинение ссылается на распоряжение о ведении чрезвычайных судов, разрешающее ведение дела в чрезвычайном порядке в случае убийства «государственных служащих»...

Иностранный дипломатический представитель, аккредитованный при правительстве республики, не является в сущности ни чиновником и ни должностным лицом в кодексном значении и должен быть таковым согласно распоряжению о чрезвычайных судах.

Я позволю себе заявить, что этот метод интерпретации для меня вполне непонятен и произволен.

Интерпретация не может зависеть от постановления; она должна быть една для всего законодательства.

Подобно тому как понятие официального лица, несмотря на отсутствие оговорки в законе, охватывает исключительно должностных лиц, действующих по поручению властей республики, точно так же понятие должностного лица в нашем законодательстве может касаться исключительно польских должностных лиц.

Повторяю: толкование закона должно быть последовательным.

Если мы расширим понятие должностного лица, то мы будем вынуждены признать во имя элементарной логики, что наши законы, говоря о чиновнике, имеют в виду всякого чиновника, не только польского; говоря о государстве, всякое государство, а не только нашу республику.

Наше право, наши суды защищали бы в результате этого авторитет чуждой нам власти, чуждый политический и социальный строй, защищали бы одновременно противоречащие друг другу и взаимно враждебные принципы и доктрины.

Так, например, пропаганда, стремящаяся к свержению коммунистического строя в России, превратилась бы у нас в преступное деяние, предусматриваемое ст. 129 УК, ибо коммунистическая Россия является государством, а ст. 129 в общих словах говорит о «существующем в государстве социальном строе».

Репатриант в силу ст. 9 УК отвечал бы в Польше за контрреволюционную деятельность в России. Я беру наиболее яркие примеры, вытекающие логически из предпосылки. Я мог бы привести бесконечное множество таких примеров.

Должностным лицом для нашего права, для нашего суда является исключительно должностное лицо, находящееся на службе нашей республики, в широком значении понятия «должностное лицо», как это и понимает наше законодательство. Таким лицом является государственный служащий на высочайшем или наиболее низком посту, — однако, всегда только служащий нашей власти.

Посол Войков не пребывал на службе нашей республики; он не был должностным лицом польской власти, и покушение на его жизнь является для нас только обыкновенным убийством.

Господин прокурор ссылаясь здесь на аккредитирование посла, на официальное признание деятельности Войкова правительством республики.

Аккредитирование сводится к признанию посла, как представителя иностранного государства, — стало быть, в качестве должностного лица, представляющего свое государство в международно-правовых отношениях с «принимающим» государством и по существу своих функций стоящего вне государства, в котором он выполняет свою миссию.

С неменьшим основанием можно было бы сказать, что нормальные дипломатические отношения между двумя государствами являются взаимным признанием государственной деятельности и государственного строя и поэтому обязывают к взаимной охране во всем объеме.

Несомненно, редактора кодекса 1903 г. приняли во внимание аккредитирование посла. Несомненно, помнили об аккредитировании и функциях посла западные законодатели, когда они составляли специальные предписания для защиты чести иностранных дипломатических представителей, не упоминая о защите их жизни. Трудно предположить, что до сих пор все об этом забывали по какой-то странной случайности.

В поисках опоры для толкования в международных отношениях следует, впрочем, помнить о принципе взаимности.

Бросим тогда взгляд на право Республики советов. Советский уголовный кодекс 1922 г. в ст. 142 почти дословно повторяет ст. 455 действующего у нас кодекса о квалифицированном убийстве, выпустив из этой статьи абзац об убийстве должностного лица. О лишении жизни государственного служащего советский кодекс говорит в ст. 64, в разделе о «контрреволюционных преступлениях»: «Организация для контрреволюционных целей террористических актов, направленных против представите-

лей советской власти или против деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, подлежит наказанию». Тут уже все комментарии излишни. Никто не скажет, что этот закон охраняет аккредитированного в Москве посла буржуазного государства...

Советское законодательство впрочем постоянно и последовательно подчеркивает то, что оно защищает только строй и власть нынешней России, служа исключительно своему государству.

Об отношении советского права к другим государствам пишет официальный комментатор кодекса 1922 г. Эстрин в правительственном органе, рассматривая вопрос об ответственности граждан РСФСР перед советскими судами за преступления, совершенные вне ее пределов: «Советская республика совершенно не намерена охранять правовой порядок какого-либо из буржуазных государств. Не всякий поступок, хотя бы даже он содержал в себе фактическое состояние, предусматриваемое кодексом, подлежит наказанию... Наш суд обязан разрешить вопрос — не был ли данный поступок вызван условиями буржуазного строя, действие которых отпадает в РСФСР или по крайней мере нейтрализуется, вследствие чего виновный не составляет угрозы для правопорядка рабоче-крестьянской России».

Кто потребует от нас, чтобы мы в этих условиях на суде брали под особую опеку авторитет и интересы советской власти?

Для нас, для нашего права убийство советского посла Войкова является обыкновенным убийством; высокое положение Войкова не должно повлиять на то наказание, которое суд определит Коверде.

Сам законодатель, вводя чрезвычайные суды, решившись на столь великое и опасное для применения справедливости отступление от нормальных принципов, без сомнения,

не предполагал, что созданный им закон послужит когда-либо для обострения репрессий за покушение на посла иностранного государства.

Вспомним ст. 2 закона: «Чрезвычайные суды будут введены, когда преступления, перечисленные в ст. 1, будут распространяться так, что создастся опасность для общественного порядка и безопасности».

...«Будут распространяться» — станут частым, обычным событием. Когда же это у нас предвиделось, что будут распространены покушения на иностранных послов, хотя бы представляющих враждебные нам государства? Существует ли такое опасение в данный момент?

В то время, когда составлялось распоряжение, содержащее абзац о покушениях на жизнь государственных служащих, наверное никто не думал об обеспечении безопасности иностранных должностных лиц, и никому не пришло в голову, что распоряжение может быть подвергнуто такому толкованию, какое дало в данном деле обвинение.

Все говорит против этого толкования. Я верю поэтому, что вы, господа судьи, примете во внимание наше предложение о передаче дела в обыкновенный суд и вследствие этого не будете уже рассматривать других вопросов.

Однако, по обязанности защитника, я должен вкратце задержать еще ваше внимание на одном. В данный момент у вас нет уже сомнения в том, кого вы судите и какие стимулы были у Коверды, когда он совершил покушение на жизнь советского посла.

Вы знаете, что на скамье подсудимых очутился мальчик с чистой и честной душой, хотя он и стал убийцей. Этот мальчик горячо любил Россию, а за ее поругание и несчастья глубоко возненавидел тех, кто захватил в ней власть.

Он хотел на русской земле бороться за лучшую Россию. Его оттолкнули от врат отчизны, хотя никто не знал о

его намерениях. Он не смог во-время обуздать молодой волей своих чувств и на польской земле совершил покушение на Войкова, который в тот момент был для него видимым символом ненавистного большевизма.

Он поднял руку на человеческую жизнь. Не забывайте, что оттуда, откуда он чутким ухом ловил каждый шорох, доходили до него только выстрелы и стоны, что он все время слышал и читал о неисчислимых кровавых экзекуциях. Что удивительного в том, что он недооценил человеческую жизнь? Мы знаем психологию кровавой политической борьбы. Мы знаем, что массовые экзекуции не отпугивают от дальнейшей борьбы, — наоборот, они побуждают и вызывают желание мести, — подобно тому, как на войне возбуждает сражающихся весть о расстреле врагом взятого в плен товарища по оружию.

Разве можно отрицать, что Ковердой руководило чувство, безраздельно господствующее в его мыслях и душе, когда он постановил уничтожить Войкова и намерение свое привел в исполнение?

Переводя на язык права этот несомненный для каждого из нас после нескольких часов разбирательства ясный факт, разрешите мне утверждать, что Коверда задумал и выполнил свой поступок «под влиянием сильного душевного потрясения», повторяя слова кодекса. Нет такого законодательства, которое бы не повелевало принимать во внимание это душевное состояние обвиняемого. Справедливость должна считаться с силой человеческого чувства. Если бы Коверда предстал не перед чрезвычайным судом, ему угрожало бы наказание, высшая мера которого равна, согласно кодексу, низшей мере наказания за убийство в-обычном состоянии. Акт ненависти родился из любви и страдания. Для Коверды это была месть большевистскому послу за беззакония, совершенные большевиками в его отчизне.

Памятуя обо всем этом, вы не могли бы, господа судьи, отказать Коверде в «весьма важных смягчающих обстоятельствах». И даже тогда, определенное вами наказание было бы несоизмеримо с его виной.

За преступление, совершенное в Польше, Коверда понесет заслуженное наказание. Однако суд, формально неправильный, связанный исключительными предписаниями и лишенный возможности определить ему наказание в соответствии с его действительной виной, не должен его судить.

РЕЧЬ АДВОКАТА ФРАНЦИСКА ПАСХАЛЬСКОГО ¹⁷⁾.

Когда несколько лет тому назад на швейцарской земле от руки Конради пал представитель Советской России — Воровский — далекая от России, с Россией ничем исторически не связанная, Швейцария стала ареной процесса, во время которого прошел длинный ряд свидетелей, формулируя обвинительный акт против режима Советов. Речь моего коллеги адвоката Обера ¹⁸⁾ была той великоленной застужкой, которая скрепила кровавую книгу истории России последних лет.

Следует напомнить, что сегодняшнее дело, хотя и по содержанию своему весьма похоже на то, которое происходило в Швейцарии, все же это дело отличается от процесса Конради. На скамье подсудимых полувзрослый-полудитя.

Когда Коверда давал свои объяснения, губы его временами искривлялись, словно в плаче, и на этих губах жаловалась как будто детская просьба. Коверда не сумел обрисовать истории своей первой родины, какой он считал Россию, он не умел говорить языком зрелого политического деятеля, который пережил драму, продумал ее и захотел своим выстрелом выпятить трагическое сплетение событий. Коверда помнит до сих пор мелкие, на первый взгляд ничего не значащие, отрывки своего детства и на них делает выводы.

Кроме того на сегодняшнем разбирательстве не было даже свидетелей, которых в других процедуральных условиях защита могла бы вызвать и которые были бы допол-

нением к объяснениям слишком юного обвиняемого. Чрезвычайный суд делает невозможным использование всего того количества рассеянных по Европе обвинителей, которые взяли бы на себя моральную ответственность за поступок Коверды.

В течение нескольких часов мы опросили нескольких свидетелей, показания которых были в сущности бесцветны и серы. Они почти ничего не сказали. Несколько более любопытных силуэтов, например, отец Коверды ¹⁹⁾ старый довоенный эсер, позже жертва Красной армии, наконец, деятель группы Савинкова, редактор Павлюкевич ²⁰⁾ — один из вождей белорусского движения в Польше, — вот и весь политический материал, в столь жалком ансамбле введенный в дело. Остальные свидетели умеют безусловно чувствовать, быть может, даже понимать чувства Коверды, но не умеют его защищать. И, однако, все мы, принимающие участие в этой судебной трагедии, отлично понимаем ее величину, мы чувствуем, что Коверда не одинок, что этот процесс является как бы умышленным уменьшением мрачной картины; дело Коверды будет свидетельствовать в истории о том, как польское правительство умеет соблюдать договоры. Когда посол Войков погиб, телу его были отданы генеральские почести и в сопровождении почетного эскорта польского рыцарства тело было доставлено до границы, где кончается польская стена — рубеж западно-европейских понятий о государстве и праве. Более того, правительство светлейшей республики, действуя через прокуратуру, наложило на вашу судейскую совесть тяжелую обязанность судить Коверду чрезвычайным судом.

Представителя Союза советских республик окружили величием понятия «государственного служащего». Это сделало правительство, так хорошо сознающее опасность России для Польши, опасность, в виде связи коммуни-

стической партии с соседним государством, заставляющую сохранить по сей день в Уголовном кодексе ст. 102 — пережиток русского царизма, столь противоречащий великой идее гражданской свободы, зародившейся в эпоху Вавельского ренессанса ²¹⁾.

Однако правительство так поступило, ибо из этой предвечной сокровищницы духа народа и народа рыцарского великодушия, правительство почерпнуло другую заповедь и заставило ей повиноваться своих граждан. В «Щербце» Болеслава Храброго ²²⁾, ударяющего в ворота Киева, в знаменах Стефана Батория ²³⁾, принимающего изъявление покорности от Полоцка, во всей огромной трагедии Польши, вшитанной в себя правительством маршала Пилсудского, существовал и существует рыцарский принцип — не вести фальшивой дипломатической игры, — и перед этим принципом каждый гражданин Польши обязан покорно склонить свою голову. Господа судьи! Из этого принципа вырос чрезвычайный суд, несмотря на все юридические сомнения, — суд, который, как было сказано, сузил рамки разбирательства. В силу вещей, это сужение повлекло за собой удаление из разбирательства всего того, что происходит в России, коль скоро Россия подписала с нами мирный договор. Однако, господа судьи, никто не может нам запретить говорить на этом процессе о всем том, что пережил Коверда и что толкнуло его на убийство.

Итак, эти детские воспоминания. Я сказал — ничего не значащие. Понятно, для нас, видевших многое, они имели бы второстепенное значение для него — это основа жизненного опыта. Эти воспоминания, виденные в крови сквозь брильянты слез: когда-то у него сорвали шапку с головы, когда он шел в школу, ибо он был «маленький буржуйчик». А для Коверды это не была шапка, а символ его положения в жизни.

Коверда любил «батюшку». Этот «батюшка», повидимому, не был героем, но Коверда верит в бога, в православие, он привязан глубоко и по-детски к своей вере; и вот «батюшку» раздевают донага, ведут к проруби и там совершают над ним «лебяное крещение», и «батюшка» больше не возвращается домой. Наверное, белокаменная столица царей, тысячью церквей украшенная, могла бы рассказать Коверде и другие истории. Но для души ребенка, которая впервые смотрит на свет, достаточно иногда и одной такой картины. Этого оказалось достаточно для Коверды.

Коверда возвращается в Польшу на свою вторую родину. Жизнь принуждает его к труду. Мальчик устраивается в качестве экспедитора в редакции белорусской газеты с коммунистической окраской. Он присматривается к своим товарищам, упоенным коммунистической идеологией, сторонникам Советской России. Он читает советские газеты. И вот начинается зарождающийся бунт. В этот момент история с «батюшкой» встает, словно живая. Приговоры над контрреволюционерами, объявляемые в газетах, все больше возбуждают эти воспоминания. И, наконец, мальчик знает не разумом, но силой детского чувства, что он враг своим недавним друзьям, он переводится из белорусской гимназии, с которой в сущности ничто его не связывает — в русскую. Он почувствовал себя русским и антибольшевиком.

В дальнейшем он изучает русские газеты, советские и заграничные, вчитывается в номера «Борьба за Россию» ²⁴), он созревает. Каждый отмеченный в русской прессе акт террора является для него криком русской действительности, криком убиваемого, зовом мести. Он уже не оправдывает режима, он не поверит, что счастье пролетариев всего мира требует кровопролития, он не захочет видеть целесообразности убийства, ужас убийства наполнит его желанием сказать: «не позволяю». Я не хочу говорить о

русской действительности, я должен зато подчеркнуть душевные переживания, породившие выстрел, убивший на Главном вокзале его сиятельство посла Войкова. Мне кажется, что даже те, которые весьма широко истолковали эволюционный манифест Маркса и Энгельса, вводя в свою доктрину ускорение и упрочение диктатуры пролетариата при помощи террора, не имеют права удивляться; более того, они должны были бы понять психику мальчика, который уверовал в диктатуру русского народа так, как они верят в диктатуру пролетариата. Во имя этой диктатуры в его детской голове, сочетающейся с запахом ладана русских церквей и гулом московского колокольного звона, он (Коверда) применил их метод.

Жажда мести возрастает. Мальчик перестает учиться. Он бросает работу, которая дает хлеб не только ему, но и любимой матери. Товарищи готовятся к экзаменам, молчаливый и замкнутый Коверда вспыхивает: «Я тоже наверное буду держать экзамен». Дальнейших объяснений он не дает. И только губы его наверное дрожали так, как они дрожали на суде, когда он, руководясь глубоким чувством, просил Польшу простить ему за то, что он причинил ей столько неприятностей». В этом ребенке какое-то удивительное сплетение взрослого с ребенком.

Коверда приезжает в Варшаву. Здесь в руки его попадает книжка, странная книжка — так неслыханно близкая поляку, несмотря на всю разницу во времени между прошлым Польши и настоящим России:

На суде был задан вопрос: имели ли Коверда сообщников? Господин прокурор снял с защиты тяжесть доказательства того, что сообщников не было ²⁵). Однако я опасаясь, что сообщников следует искать далеко, в могилах, рассеянных по безбрежному русскому пространству, в реках, красных от крови, среди тех, кто погиб от голода, тифа, от руки диктатуры пролетариата, все эти сообщники

объединены в одну категорию официальной советской статистикой — они перечислены в этой книжке Арцыбашева ²⁶).

Я убежден, что если бы был жив этот великий писатель России, — писатель, имя которого как огненный ураган пронеслось над Европой, — малыш Коверда не сидел бы здесь на скамье подсудимых. Арцыбашев не позволил бы этого. Ибо если нужно было последнее скрепление воли, если нужна была книжка, замыкающая круг размышлений Коверды, то книжка Арцыбашева, столь напоминающая «Книги пилитримства» Мицкевича, была такой несомненно.

В этой книге мы находим следующее описание России: «люди там дрожат, бледнеют, молчат, все новые и новые окровавленные тени собираются воедино для того, чтобы свидетельствовать перед богом о бесконечном, громадном, неотмщенном преступлении».

В ней Арцыбашев взывает к швейцарским судьям по поводу процесса Конради: «помните, что вас окружают миллионы теней, тысячи замученных мужчин, изнасилованных перед смертью женщин, детей и старцев, словно распятых на кресте. Все они напрасно молили небо, взывая к справедливости, но никто им до сих пор на зов их не ответил».

Вот из этого настроения, столь напоминающего отрывки из импровизации Мицкевича, из этого крика, близкого к мольбе, содержащейся в «Ошибках» Жеромского — рождается идея, которая во имя народа попирает мораль.

«Поднявший меч — от меча погибнет». «Вы, — заявляет Арцыбашев, — выбрали террор как средство тирании. Вам террор — преступление. Террор, направленный против вас, — это акт справедливости». И, наконец, он приходит к этой, как будто бы такой простой истине, той истине, которая была спутником всех польских воору-

женных усилий: «родина не дается даром». «Мы и только мы имеем право вершить судьбы нашей родины».

Наконец, в этой книге Коверда найдет разрешение проблемы нарушения нейтральности той страны, в которой русский эмигрант совершает убийство. «Нельзя с ней считаться, ибо следует кричать на весь мир, что мы не парии, а граждане Европы».

Простите, господа судьи, что я позволил себе привести эти несколько длинные цитаты, — цитаты эти — вся защита Коверды. В них кристаллизуется в законченном виде идеология воинствующей эмиграции, идеология, тем более отвечающая душе молодого мальчика, что тот, кто ее создавал, черпал ее, по образцу польских поэтов, из глубины своего чувства и прежде всего из своей бесконечной тоски по родине.

Недаром в книге Арцыбашева подчеркнуты длинные отрывки его размышлений. Другие отрывки Коверда снабдил своими детскими примечаниями. Книга эта была сообщником убийства.

Такова история убийства. Зачата где-то над берегами Волги, продуманная в связи с швейцарским процессом, протекавшим в стране Винкельрида ²⁷), совершенная в городе, который неоднократно обагрялся кровью в защите перед той самой Россией, во имя которой выступает Коверда.

Тайна истории, никогда непознаваемые пути providения — велят Коверде, представителю идеалов России, говорить о двойной родине. Сочетать в детском сердце Польшу и антибольшевистскую Россию. И если на этот процессе взглянуть с исторической точки зрения, то именно заявление Коверды для нас наиболее интересно, ибо я не могу согласиться с г. прокурором, когда он отказывает отдельной личности в праве писать историю. Для господина прокурора — человек это какая-то ничтожная пылинка, песчинка, которую перебрасывает время. О нет!

Мне кажется, что хотя бы пример Коверды, перешедший в историю, является ярким опровержением такой истории.

Ибо если существует идея, которая противится тем или другим теориям диктатуры, если история не есть только механическое развитие событий, то должно найтись место для человека в этой истории. История дает ему место — особенно в Польше — в Польше мучеников и поэтов, в Польше — вождя, который воскресил ее ²³⁾ вооруженной силой, — нам об этом нельзя забывать.

И поэтому для меня Коверда — это не пылинка, а за последние несколько дней, он, несмотря на свою юность — уже человек.

Господа судьи! Я сказал в начале своей речи, что польское правительство возложило на вашу судейскую совесть чрезмерную тяжесть чрезвычайного суда над Ковердой; что оно сделало это, желая доказать лояльность в выполнении договоров, даже тогда, когда нельзя ожидать взаимности, но, господа судьи, нет власти, которая могла бы требовать смерти Коверды. Я позволил себе сказать, что требовать этой смерти не имели бы право даже те, против которых Коверда символически направил свой выстрел. Он перенял их методы действия — не его вина, если он служит другой идее. Его детской головы не может требовать также польское общество и польский народ. Этот народ помнит своих героев. Над головой Коверды витает тень Березовского и хранит ее от слишком сурового приговора.

Господа судьи! Я верю, что приговор ваш, в котором также должно заключаться величие народа, покажет миру, что Польша, помнящая свои страдания, может понять страдания других.

ПРИГОВОР.

Дня 15 июня 1927 г.

От имени польской республики, Окружной суд в Варшаве, как Чрезвычайный суд в судебном разбирательстве в следующем составе:

председатель: Ю. Гуминский,
судьи: Ю. Козаковский, А. Скавинский,
секретарь: М. Маевская,
прокурор Апелляционного суда, Рудницкий,
рассмотрел дело:

Бориса Коверды, обвиняемого по ст. 453 УК в том, что он дня 7 июля 1927 г. в Варшаве на Главном вокзале, с намерением лишить жизни посла СССР в Польше Петра Войкова, выстрелил в последнего 6 раз из револьвера, нанеся смертельную рану в область грудной клетки с левой стороны, что вызвало излияние крови в левом легком и смерть Петра Войкова, причем поступок свой свершил вследствие выполнения Петром Войковым его общественных обязанностей в качестве уполномоченного посла СССР в Польше, аккредитованного при президенте республики.

Факт убийства посла Войкова обвиняемым Ковердой установлен в судебном следствии сознанием самого Коверды и показанием свидетелей: Розенгольца, Ясинского и Домбровского в связи с мнением эксперта д-ра Грживо-Домбровского относительно безусловной смертельности раны, нанесенной обвиняемым.

Ввиду этого Чрезвычайный суд признал виновность Коверды вполне доказанной.

Более подробно должен быть рассмотрен возбужденный защитой вопрос о подсудности дела Коверды Чрезвычайному суду.

Против подсудности дела Чрезвычайному суду защита выдвинула два мотива: 1) на основании пункта «С» ст. 1 распоряжения Совета министров от 28 декабря 1926 г. (Дневн. законов № 128, пункт 759), Войкова нельзя якобы признать должностным лицом (*funkcjonariusz publiczny*) и 2) ввиду отсутствия состава преступления, предусмотренного ст. 453 Уг. улож. надлежало бы, по мнению защиты, применить ст. 458 Уг. улож., не входящую в компетенцию Чрезвычайного суда.

Ввиду этих возражений защиты Чрезвычайный суд устанавливает следующие положения:

Приведенный в распоряжении Совета министров от 28 декабря 1926 г. термин «*funkcjonariusz publiczny*» неизвестен ни Уголовному уложению 1903 г., ни закону о чрезвычайных судах от 30 июня 1919 г. В законе этом упоминается ст. 453 Уг. улож. без всякой дополнительной квалификации, а в Уголовном уложении употребляются термины (*urzędnik*) чиновник и («*osoba urzędowa*») должностное лицо. Название *funkcjonariusz* встречается в Уголовном уложении только в отношении железнодорожных чиновников (ст. 396, 399, 559, 567, 587) и чиновников фабричных, банковских и благотворительных, кредитных, земских, городских и других учреждений (ст. 543, 575, 578 и 580).

Кроме того в законе о государственной полиции от 24 июля 1919 г. в ст. 27 находим термин «*funkcjonariusz policji*» (полицейский чиновник).

Из постановления указанных данных следует сделать тот несомненный вывод, что Совет министров в распоряжении своим от 28 декабря 1926 г. предусматривал не только государственных чиновников, но и всех тех лиц, которые на территории польской республики исполняют обще-

ственные функции (*funkcje publiczne*). Употребление термина «*funkcjonariusz publiczny*» вместо «*urzędnik*» (чиновник) (в понятии, установленном 4 частью ст. 636 Уг. улож.) или «*funkcjonariusz państwowy*» (государственный служащий) указывает на то, что здесь имеется в виду не только чиновник или государственный служащий, т. е. польское должностное лицо, но всякое лицо, выступающее в качестве исполняющего должностные обязанности.

Ввиду этого и представитель чужого государства, аккредитованный при президенте республики и тем самым допущенный к исполнению служебных обязанностей на территории польского государства, является, в чем не может быть двух мнений, именно таким «должностным лицом», так как он исполняет свои служебные обязанности не только в отношении своего государства, но и некоторые обязанности, возложенные на него в силу международного права и в отношении польских граждан (выдача виз), как равно содействует польскому правительству исполнять задачи, связанные с политическими, торговыми, коммуникационными и другими тому подобными отношениями с иностранным государством, т. е. исполняет должностные обязанности и в отношении своего государства и в отношении Польши. А так как Войков был аккредитован при президенте польской республики в качестве политического представителя СССР, то тем самым он подлежал защите пункта «С» ст. 1 распоряжения Совета министров от 28 декабря 1926 г., покушение же на него предусматривается как этим распоряжением, так и ст. 453 Уг. улож. Тут же следует указать, что стремление защиты видеть в лице убитого Ковердой не посланника СССР, но «представителя Коминтерна», является искусственным и не подтвержденным никаким доказательством принадлежности Войкова к Коминтерну, согласно заявлению самого Коверды, сделанному им свидетелю Домбровскому, он стре-

лял «за Россию, за миллионы людей», т. е. мстил Войкову, как представителю русского правительства, а не Коминтерна, являющегося экспозитурой этого правительства для деятельности вне России.

Являясь посланником, Войков представлял русское правительство, и таким образом Коверда стрелял в посланника.

В силу вышеизложенного все сомнения относительно подсудности дела Коверды Чрезвычайному суду надлежит признать неосновательными во всей их совокупности.

Переходя ко второму вопросу, возбужденному защитой, вопросу о квалификации убийства по ст. 453 Уг. улож., Чрезвычайный суд находит, что квалификация по ст. 458 Уг. улож. лишена всяких законных фактических оснований.

Согласно дословному тексту ст. 458 и примечаний, сделанных к ней (Таганцев, стр. 617), эта статья не может применяться во всех тех случаях, когда умысел возник во время психического возбуждения, но осуществлен был обдуманно и хладнокровно и когда обдуманное намерение осуществлено в состоянии раздражения. Для квалификации по ст. 458 Уг. улож. необходимо, чтобы умысел и исполнение вытекали непрерывно из одного и того же раздражения.

Если на основании вышеизложенного рассматривать преступные действия обвиняемого Коверды, то следует прийти к заключению, что преступление, совершенное Ковердой, который в течение нескольких дней носился с намерением убить неизвестное ему лицо и совершает это убийство совершенно спокойно, — он сохраняет спокойствие и после убийства, как заявил свидетель Домбровский, — то ни в коем случае совершенное Ковердой нельзя подвести под ст. 458 Уг. улож. Отсутствуют здесь признаки психического раздражения как при умысле преступления, так и при его исполнении. И раздражение Коверды против де-

ятельности советского правительства недостаточно для квалификации преступления по ст. 458 Уг. улож. Таким образом Чрезвычайный суд в окончательном своем выводе признает, что Коверда должен быть привлечен к ответственности по ст. 453 Уг. улож. и в порядке чрезвычайного (собственно «ускоренного». *Прим. ред.*) судопроизводства.

Остается последний вопрос, т. е. вопрос о наказании. Относительно этого Чрезвычайный суд находит, что применение к Коверде правил, изложенных в 1-й части ст. 19 закона о чрезвычайных судах²⁹), не соответствовало бы внутренней стороне преступления и противоречило бы целям уголовной репрессии.

Наказание должно быть применено в соответствии со степенью виновности с точки зрения напряжения злой воли и имеет целью равно как исправление осужденного, так и защиту общественного порядка путем устранения возможности повторения. Смертная казнь противоречит целям исправления осужденного и может быть оправдана только в случаях необходимости противодействия повторяемости преступлений. Являясь совершенно необходимой в делах о разбоях, смертная казнь неуместна в случае спорадического, не имеющем примеров в прошлом и не возбуждающем опасения его повторений в будущем. Не только знание польской психики, но и данный конкретный факт убийства русским русского же достаточен для категорического утверждения, что общественному порядку в Польше не грозит эпидемия убийств вроде убийства Войкова. Косвенно это признал и представитель СССР, свидетель Розенгольд, который «не ожидал покушения на Войкова в Польше».

О повторении такого рода преступления в Польше «путем, особенно опасным для общественного порядка и спокойствия», как гласит ст. 2 закона о Чрезвычайных судах, не может быть речи. Ввиду этого нет нужды прибегать к наиболее строгой мере наказания. Кроме того, применение

смертной казни противоречило бы высшей справедливости, ибо как молодость обвиняемого, так и его моральные качества указывают на то, что, оставленный в живых и возвращенный после отбытия наказания в общественную среду, Коверда может стать ее полезным членом. Во имя этих его качеств и во имя высокой задачи исправления преступника суд находит достаточным для Коверды назначение заключения его в каторжной тюрьме на срок 15 лет. Хотя это составляет высшую меру наказания, предусмотренного ст. 453 Уг. улож. но, по мнению суда, убийство на территории Польши, совершенное эмигрантом с нарушением обязанности быть благодарным за предоставленное ему право убежища и к тому же совершенное в отношении представителя иностранного государства, т. е. с большим вредом для морального престижа республики и для политических интересов, убийство это требует усиления меры наказания. Но так как, согласно правилу, указанному в IV части ст. 19 закона о чрезвычайных судах, вышеуказанные весьма важные смягчающие вину обстоятельства, к которым следует отнести глубокий патриотизм обвиняемого Коверды и то, что он переживал в глубине души несчастья своих братьев, дают основания Чрезвычайному суду назначить Коверде бессрочное заключение в каторжной тюрьме, каковое наказание Чрезвычайный суд и назначает, но для облегчения судьбы обвиняемого постановляет воспользоваться правом, принадлежащим ему согласно ст. 755 Процессуального кодекса.

По этим основаниям и в силу ст. 453 и 36 Уг. код. параграф «1» пункта «С» распоряжения Совета министров от 28 декабря 1926 г., 19 ст. ч. IV закона о чрезвычайных судах от 30 июля 1919 г. и ст. 755 Процессуального кодекса Чрезвычайный суд единогласно постановил:

Жителя города Вильно, Бориса, сына Софрония и Анны Коверду, 19 лет, приговорить к лишению прав на основе

ст. 25, 28, 30, 34 и 35 Уг. улож. ³⁰⁾, к бессрочному заключению в каторжной тюрьме и к уплате судебных издержек. От судебных сборов Коверду освободить на основании ст. 68 временных правил о судебных издержках. Из числа вещественных доказательств — револьвер «Маузер» с патронами — вернуть посольству СССР в Варшаве, дело Виленского окружного суда № К 28925 вернуть в этот суд, остальные вещественные доказательства вернуть осужденному Коверде.

На основании ст. 755 Процессуального кодекса ³¹⁾ обратиться через г-на министра юстиции к г-ну президенту республики с ходатайством о смягчении наказания Коверде до пятнадцати лет заключения в каторжной тюрьме.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ.

¹⁾ Ст. 453 Угол. кодекса говорит об убийстве (умышленном). Ст. 458 — об убийстве, задуманном и выполненном под влиянием сильного душевного волнения.

²⁾ Ст. 208 Процесс. кодекса говорит о том, что всякое преступление разбирается в суде по месту его совершения.

³⁾ Ст. 1, 4, 10, и 12 закона о чрезвычайных судах от 30 июня 1919 г. с изменениями от 25 февраля 1921 г. говорят о компетенции чрезвычайного суда и о порядке его ведения.

⁴⁾ § 1 распоряжения Совета министров от 28 декабря 1926 г. сохраняет деятельность чрезвычайных судов в ряде местностей, в том числе и в Варшаве, до 31 декабря 1927 г.

⁵⁾ Ст. 702 Процесс. кодекса (ниже будет ссылка на царский Уголовный и Процессуальный кодексы, так как в части Польши, которая входила в состав б. Российской империи действуют до сих пор старые царские законы). Каждому свидетелю, до вопроса его по существу дела, предлагаются предварительные вопросы, для определения его личности и отношений к участвующим в деле лицам.

⁶⁾ Ст. 705 Процесс. кодекса дает право ближайшим родственникам подсудимого отказываться от дачи показаний. В случае же, если они захотят быть свидетелями, то они допрашиваются без присяги.

⁷⁾ Ст. 712 Процесс. кодекса освобождает от присяги служителей христианских культов и лиц, принадлежащих к верованиям, не приемлющим присяги. Статья III польской конституции провозглашает свободу вероисповеданий.

⁸⁾ Ст. 713, 714, 715, 716 и 717 Процесс. кодекса говорят о порядке приведения к присяге и о даче торжественного обещания говорить правду.

⁹⁾ Мариан Недзельский — варшавский адвокат бывший присяжный поверенный в Киеве. Монархист и фашист

по убеждениям, связан с белогвардейскими русскими монархическими группировками в Польше и за границей. На процессе Коверды выступал в качестве защитника по поручению «Общества русских эмигрантов» в Варшаве.

¹⁰⁾ Немедленно после ареста Коверды в Вильно, а затем в других городах Польши и среди белогвардейской эмиграции были произведены денежные сборы в пользу Коверды и его семьи, давшие солидную сумму.

¹¹⁾ Андреев — виленский адвокат, связан с русскими эмигрантами в Вильно.

¹²⁾ Причиной ухода Коверды из белорусской гимназии в русскую была его неблагоприятная роль во время происходившего в 1926 г. процесса учеников белорусской гимназии в Вильно, по обвинению в коммунизме; Коверда, бывший в числе обвиняемых, был освобожден от суда, что дало повод его товарищам по гимназии подозревать его в связи с польской охранкой и в провакаторстве.

¹³⁾ «Записки писателя» — одно из последних произведений писателя Арцыбашева, в котором он рисует «ужасы Советской России», весьма популярное среди белогвардейской эмиграции произведение.

¹⁴⁾ Во время предварительного следствия Коверда заявил, что убил Войкова, «как представителя большевистской России».

¹⁵⁾ «Божье тело» — католический праздник «тела Христова»

¹⁶⁾ Эттингер Мечислав — варшавский адвокат.

¹⁷⁾ Пасхальский Франциск — выдающийся варшавский адвокат — пилсудчик.

¹⁸⁾ Обер — один из защитников убийцы т. Воровского — Конради. Основатель так называемой «Лиги Обера» — террористической организации, имеющей целью «борьбу с большевизмом».

¹⁹⁾ Отец Коверды — бывш. чиновник и офицер царской армии. Один из сподвижников Бориса Савинкова.

²⁰⁾ Павлюкевич — белорусский политический деятель, ставящий своей задачей создание белорусского полонифильского движения. Связан с польской охранкой, известным белобандитом Булак-Балаховичем и русскими белогвардейцами в Польше.

²¹⁾ Вавельский ренессанс — XVI—XVII в. — эпоха зарождения и расцвета шляхетской (дворянской) свободы в Польше.

²²⁾ «Щербец» — меч польского короля Болеслава Храброго, выщербленный им от удара в железные ворота Киева в 1068 г.

²³⁾ Стефан Баторий — польский король, известный своими победами над московскими царями (1575—1586).

²⁴⁾ «Борьба за Россию» — белогвардейский монархический орган, издающийся в Париже.

²⁵⁾ Слова защитника Пасхальского ярко характеризуют поведение прокурора, речь которого по существу была защитой Коверды.

²⁶⁾ Пасхальский имеет в виду вышеупомянутые «Записки писателя».

²⁷⁾ Винкельрид — легендарный швейцарский народный герой, способствовавший победе швейцарцев над рыцарями Габсбургов.

²⁸⁾ Пасхальский имеет в виду диктатора Польши Пилсудского.

²⁹⁾ I часть ст. 19 о чрезвычайных судах говорит о том, что чрезвычайные суды выносят смертные приговоры в тех случаях, когда по обыкновенному суду полагается по крайней мере бессрочное тюремное заключение.

IV часть той же статьи говорит о том, что суд, в случае смягчающих вину обстоятельств, может заменить смертную казнь бессрочной каторгой.

³⁰⁾ Ст. 25, 28, 30, 34 и 35 Угол. кодекса говорят об ограничении в правах в связи с вынесенным приговором.

³¹⁾ Ст. 755 Процесс. кодекса говорит о смягчающих вину обстоятельствах.

Приложение № 1.

Первая нота Советского правительства Польше по поводу убийства тов. Войкова.

Москва, 7 июня 1927 г.

ГОСПОДИНУ СТАНИСЛАВУ ПАТЕКУ. ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОСЛАННИКУ И ПОЛНОМОЧНОМУ МИНИСТРУ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Господин министр.

Союзное правительство только что получило короткое сообщение по телеграфу об убийстве русским монархистом полномочного представителя СССР в Польше П. Л. Войкова.

Союзное правительство ставит это неслыханное злодеяние в связь с целой серией актов, направленных к разрушению дипломатического представительства СССР за границей и создающих прямую угрозу миру. Налеты на пекинское посольство СССР, осада консульства в Шанхае, полицейское нападение на торговую делегацию в Лондоне, провокационный разрыв дипломатических отношений со стороны Англии, — весь этот ряд актов развязал деятельность террористических групп реакционеров, в своей бессилой и слепой ненависти к рабочему классу хватающихся за оружие политических убийств.

Союзное правительство усматривает в убийстве своего посланника также и результат неприятия польским правительством всех необходимых мер против преступной деятельности на территории Польши русских контрреволюционных террористических организаций, особенно опасных для дела мира в теперешней напряженной международной обстановке.

Союзное правительство в свое время обращало внимание польского правительства на деятельность белогвардейских террористов и неоднократно предупреждало польское правительство о возможности провокационных злодеяний со стороны этих элементов.

Заявляя поэтому свой решительный негодующий протест и считая, что польское правительство не может уклониться от ответственности за случившееся, союзное правительство оставляет за собой право вернуться к вопросу по получении более подробных и исчерпывающих сведений о совершенном в Варшаве преступлении.

Прося вас довести о вышеизложенном до сведения вашего правительства, прошу вас, господин министр, принять уверение в моем совершенном уважении.

Литвинов.

Приложение № 2.

Нота польского правительства, врученная польским посланником г. Патеком заместителю народного комиссара по иностранным делам т. Литвинову.

В ответ на ноту господина народного комиссара от 7 июня с. г. № 243/ч имею честь по поручению своего правительства заявить нижеследующее:

Глубоко взволнованное и возмущенное фактом убийства, жертвой которого пал посланник Союза советских социалистических республик в Польше господин Петр Войков, польское правительство желает еще раз дать выражение чувству искреннего сожаления и возмущения, которое у него вызвал факт этого убийства. В этом своем чувстве польское правительство присоединяется к словам, сказанным господином президентом польской республики господину председателю Центрального исполнительного комитета Союза советских социалистических республик, к словам, к которым и господин министр иностранных дел на ваше имя присоединил выражение своего сожаления.

Польское правительство тем более скорбит по поводу поступка безумца непольской национальности, что оно отдает себе полный отчет в постоянно улучшающихся политических отношениях между польским правительством и пра-

вительством Союза советских социалистических республик, чему в большой мере содействовал незабвенной памяти посланник Войков. Поэтому польское правительство не может признать связи между помянутыми в ноте господина народного комиссара событиями и фактом совершения на территории польской республики убийства лицом непольской национальности и во вред польскому государству, — фактом, который польское правительство и польское общественное мнение самым категорическим образом осудили.

Польское правительство, основываясь на международных обычаях, предоставляет право убежища политическим эмигрантам различных национальностей, однако оно всегда противодействовало и не допускало на польской территории какой-либо планомерной деятельности, направленной против иностранных государств.

Поэтому польское правительство не может считать себя ответственным за поступок безумца, который, как это, кажется, выясняется из первоначальных результатов следствия, является индивидуальным актом. Польское правительство тем более вынуждено отклонить от себя ответственность, ибо в свое время оно предлагало представителю Союза советских социалистических республик личную охрану, которой, однако, посланник Войков, к сожалению, не хотел воспользоваться.

Посланник Войков, согласно своему желанию, постоянно и свободно передвигался по стране, не предупреждая властей общественной безопасности, которые, между прочим не были оповещены о проезде через польскую территорию б. поверенного в делах Союза советских социалистических республик в Лондоне господина Розенгольца и о намерении посланника Войкова приветствовать господина Розенгольца на Главном вокзале, что, к сожалению, облегчало действия убийцы.

Не будучи в состоянии вследствие этого, как упомянуто выше, принять на себя ответственность за факт убийства, польское правительство, однако, ввиду того, что акт этот имел место на территории польского государства, стремится дать выражение своим действительным чувствам и намерениям и, желая смягчить утрату, которая постигла семью посланника Войкова, согласно рассмотреть самым благоже-

лательным образом возможные пожелания правительства Союза советских социалистических республик относительно возмещения семье посланника Войкова, если бы она этого пожелала.

Примите, господин народный комиссар, выражение моего высокого к вам уважения.

Станислав Патек.

Москва, 9 июня 1927 г.

Приложение № 3.

Нота советского правительства, врученная заместителем народного комиссара по иностранным делам т. М. М. Литвиновым польскому посланнику г. Патеку.

Господин министр.

Подтверждая получение вашей ноты от 9 сего июня за № 1552/27, имею честь просить вас передать вашему правительству нижеследующее:

Союзное правительство с удовлетворением принимает к сведению выражение сожаления польского правительства по случаю убийства в Варшаве полномочного представителя Союза советских социалистических республик П. Л. Войкова.

С особым удовлетворением принимает к сведению союзное правительство и сообщение о возмущении и категорическом осуждении этого преступного акта со стороны как польского правительства, так равно и польского общественного мнения.

Отмечая также с удовлетворением заявление польского правительства о готовности назначить компенсацию семье П. Л. Войкова и рассматривая это заявление, как проявление доброй воли и как акт, вытекающий из обстоятельств дела и соответствующий международным обычаям в подобных случаях, союзное правительство принимает к сведению заявление польского правительства и тем не менее не находит возможным фактическое осуществление предложения, поскольку оно считает долгом самого советского государства обеспечить семью своего погибшего на посту представителя.

Союзное правительство не может, однако, согласиться с оценкой, даваемой польским правительством событию 7 июня в вашей последней ноте, и вынуждено сегодня в еще большей степени, чем в момент посылки моей ноты от 7 июня, рассматривать убийство своего представителя в Варшаве не как индивидуальный поступок безумца, а как одно из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского союза со стороны темных сил мировой реакции и противников мира. События, перечисленные в моей ноте от 7 июня, и в особенности планомерно подготовленный разрыв дипломатических отношений с Союзом советских социалистических республик со стороны нынешнего правительства Великобритании, развязали эти темные силы, в особенности контрреволюционные и террористические организации русских эмигрантов, которые, спекулируя на напряженности международной обстановки, делают величайшие усилия, чтобы помочь воинствующему империализму спровоцировать осложнения между Союзом советских социалистических республик и другими государствами и ввергнуть их народы в кровавую бойню в ложной надежде этим путем восстановить царистско-империалистский режим и вернуть себе привилегии, утраченные в результате революции.

Преступление 7 июня имеет поэтому неизмеримо большее значение, чем изолированный индивидуальный акт и само по себе представляет угрозу для мирных, нормальных отношений между обоими государствами, отношений, над упрочением и развитием которых систематически работало союзное правительство и в частности покойный его представитель в Варшаве П. Л. Войков, как это справедливо отмечает польское правительство в вашей ноте от 9 июня. Союзное правительство приветствует признание польским правительством факта улучшения отношений между обоими государствами и со своей стороны считает взаимное стремление к упрочению и развитию добрососедских отношений весьма существенным фактором всеобщего мира, особенно в напряженной международной обстановке последнего времени, возникшей вопреки постоянно проявленному и неоднократно документированному миролюбию Советского союза.

С тем большим сожалением союзное правительство вынуждено, однако, отметить, что польское правительство до настоящего времени не обращало должного внимания на то препятствие, которое представляет для благоприятного развития отношений между обеими странами терпимость, проявляемая польскими властями в отношении различного рода террористических организаций, действующих против союзного правительства на территории польской республики.

Союзное правительство не может согласиться с вашим заявлением, господин министр, что польское правительство всегда противодействовало и не допускало на польской территории какой-либо планомерной деятельности, направленной против Советского союза. В распоряжении союзного правительства имеется обильный материал, иллюстрирующий терпимость, а в отдельных случаях и прямую поддержку, оказываемую польскими властями организациям и лицам, ведущим — планомерно или не планомерно — активную борьбу с союзным правительством путем организации террора или бандитских налетов на территорию Союза советских социалистических республик. В ближайшее время Народный комиссариат по иностранным делам позволит себе представить вам некоторый материал по этому вопросу.

В вашей ноте, господин министр, подчеркнуто то обстоятельство, что фактически убийца полномочного представителя Союза советских социалистических республик в Варшаве является лицом непольской национальности. Вместе с тем установлено, что убийца является польским гражданином, сыном известного контрреволюционного деятеля, принятым в польское гражданство после выезда из Союза советских социалистических республик. Принятие подобных элементов в польское гражданство, несомненно облегчающее им их деятельность против Советского союза, налагает дополнительную ответственность за эту деятельность на польское правительство. К сожалению, этот случай не является единичным. Особенно ярким является случай с известным контрреволюционным деятелем Булак-Балаховичем, который, согласно протоколу, подписанному 30 сентября 1921 г. представителями

союзного и польского правительств, должен был быть выслан не позднее 20 октября того же года из пределов польской республики и который, однако, был принят в польское гражданство, остался в Польше и, как неоднократно отмечала польская пресса, даже был несколько раз официально принимаем высшими представителями власти в Польше.

Союзное правительство не может согласиться с отклонением польским правительством ответственности за факт убийства с ссылкой на отказ покойного П. Л. Войкова от предложенной ему личной охраны. При наличии на польской территории лиц и организаций, ставящих себе целью активную борьбу против Советского союза и его представителей, охрана этих представителей, конечно, является мерой недостаточной и не достигающей цели. Соответствующие польские власти должны были направить свое внимание и усилия на пресечение преступной деятельности упомянутых лиц и организаций и на неослабное наблюдение за ними. Польскому правительству давно было известно, что враждебные Союзу советских социалистических республик организации ставили себе целью покушение на жизнь его представителя в Варшаве. Оно само в лице директора политического департамента Министерства иностранных дел господина Лукасевича сообщало об этом союзной миссии 2 ноября 1924 г., т. е. на второй день по прибытии в Варшаву П. Л. Войкова. Но уже тогда союзное правительство в меморандуме, врученном советником миссии г. Беседовским вице-министру Моравскому 3 ноября 1924 г., и в ноте, врученной Народным комиссариатом по иностранным делам польскому поверенному в делах в Москве 4 ноября 1924 г., заявило, что действительная безопасность представителя Союза советских социалистических республик и обеспечение возможности работы союзной миссии в Варшаве могут быть достигнуты лишь в том случае, если польское правительство во исполнение ст. 5 рижского договора воспретит дальнейшее пребывание на польской территории организациям и лицам, деятельность которых направлена против Советского союза и его представителей. К сожалению, польское правительство не приняло должных мер, в результате чего создалось

положение, приведшее к неслыханному преступлению — убийству посланника Союза советских социалистических республик в Польше.

Преступление 7 июня вызвало глубокое возмущение среди народов Советского союза. В интересах мира и добрых отношений между обоими государствами было бы воспрепятствовать тому, чтобы оно оставило глубокие следы в сознании народов Союза советских социалистических республик. Союзное правительство надеется, что польское правительство с целью доказать на деле свое стремление к упрочению мирных отношений, о котором говорит его нота от 9 июня, не замедлит удовлетворить элементарные требования Союза советских социалистических республик, вызываемые обстоятельствами дела, и тем поможет изжить то неблагоприятное влияние, которое оказывает на эти отношения неслыханное преступление 7 июня.

В соответствии с изложенным и принимая во внимание выраженное польским правительством сожаление, возмущение и категорическое осуждение акта 7 июня, союзное правительство ожидает:

1) что польское правительство примет все необходимые меры для всестороннего расследования дела, выяснения всех виновников и раскрытия всех нитей преступления, а также для быстрого и сурового наказания виновных, в особенности непосредственного физического убийцы;

2) что польское правительство в соответствии с предварительными переговорами временного поверенного в делах Союза советских социалистических республик в Варшаве г. Ульянова с представителями польского министерства иностранных дел допустит г. Ульянова или другого уполномоченного союзного правительства к участию в следственных действиях по данному процессу, и

3) что польское правительство, наконец, примет на деле немедленные и энергичные меры к ликвидации на польской территории деятельности террористических и бандитских организаций и лиц, направленной против Советского союза и его представителей, и вышлет из пределов польской республики лиц, занимающихся такой деятельностью, причем союзное правительство ожидает от поль-

ского правительства соответствующих незамедлительных сообщений.

Союзное правительство полагает, что в настоящих условиях последствия трагического убийства в Варшаве могут быть изжиты на деле не в силу формальных заявлений, а лишь в результате действительных мероприятий со стороны польского правительства по отношению к бело-бандитским террористическим организациям. Исходя из этой предпосылки, союзное правительство вынуждено настаивать на выполнении вышеуказанных элементарных требований.

Примите, господин министр, уверения в моем совершенном к вам уважении.

Литвинов.

Москва, 11 июня 1927 г.